

АЭЛЛОПА

*А ты на гарпию похожа:
По виду - ангел, а коварству служишь
Орлиными когтями.*

Вильям Шекспир, «Перикл, царь Тирский»

Антон Борисович родился в Подмосковье, которое вошло в черту столицы к конце 90-х годов прошлого века. А в начале 70-х малая родина Антона Борисовича считалось далеким ЗАМКАДЬЕМ и не оставляла никаких перспектив на получение столичной прописки. Самое большое, что мог получить от жизни Антон Борисович после окончания МИФИ после долгих лет беззаботного труда на ниве социалистического строительства – это место директора завода в Подмосковье, вернее, научно-производственного объединения. Он прошел бы той же жизненной стезей, которой до него в числе многих уже прошел и папа Ларисы Петровны. Антону Борисовичу становилось заранее дурно, когда он смотрел на доску почета выпускников МИФИ, ударно трудившихся по специальности, с точностью повторяя некоторые общие биографические моменты.

Несложно было себе представить, как с такой пропиской он так же, как папа Ларисы Петровны, стал бы дневать и ночевать на предприятии, выполняя и перевыполняя планы социалистического соревнования в отрасли. И с продвижением по карьерной лестнице он стал бы все реже бывать дома, куда бы его особо и не тянуло, поскольку жил бы он коммунальным общежитием в доме, построенном пленными немцами. При этом с постной физиономией он участвовал бы в заседаниях профкома на распределении современных благоустроенных квартир рабочему классу, то бишь, «авангарду все общества», изображая искреннюю радость неуклонным повышением благосостояния трудящихся.

На этой почве, в качестве вполне прогнозируемого результата, он бы тихо и культурно развелся с женой, а его любимая дочка Дашенка, вместо всестороннего развития в столичных кружках и студиях, ходила бы к нему на завод и училась у секретарши печатать десятью пальцами. Не исключено, что и она смогла бы, в конце концов, даже освоить арифмометр.

Здоровье Антона Борисовича неизменно бы ухудшалось из-за разных производственных особенностей, а перед самым окончанием школы его Дашенки он бы тихо протянул ноги от рака в уездной больничке, так и не сумев ничем полезным пригодиться в жизни любимой дочурке.

И поскольку вокруг подобных примеров было великое множество, Антон Борисович решил во что бы то ни стало не повторять судьбы всех его предшественников, оптимистически и задумчиво взглядавшихся в подрастающую поросль инженеров-физиков с доски почета. Именно тогда, будучи совсем молодым и неоперившимся, он с ленинской твердостью сказал себе «Мы пойдем другим путем!» и, не сумев с третьего раза сдать лабораторные работы по общей физике, отправился «наводить мосты» в первый отдел института. Конечно, он и не рассчитывал в первый раз прорваться дальше карлика, заместителя начальника первого отдела, проводившего инструктажи перед производственными практиками, где требовался допуск к тому, что считалось в те далекие годы государственной тайной. После «разговора по душам» с этим человеком, сумевшим сделать карьеру, несмотря на маленький рост и внешность артиста цирка «Маленькие звезды», он понял, что все, что ни делается в жизни, делается исключительно к лучшему. Карлик, с присущей ему обостренной чуткостью к чужим комплексам, сумел понять все внутренние страхи Антона Борисовича, его внутреннюю неудовлетворенность и горячее стремление устроиться в этой жизни, несмотря на незавидные условия «низкого старта». Какая, в сущности, разница – быть карликом в первом отделе МИФИ или родиться в ближнем Подмосковье с перспективой украсить собой доску почета выпускников-производственников? Оставалось лишь, ворочаясь бессонными ночами, думать и думать, как несправедливо обошлась

судьба, приготовив свой «сюрприз» задолго до рождения, нисколько не просчитав более радужные перспективы в развитом социализме. Как от Антона Борисовича нисколько не зависело его место рождения, так и у карлика никто не поинтересовался, хочет ли он ловить на себе все эти любопытные взгляды и слушать о себе анекдоты за спиной, с одним из которых, набравшись смелости, к нему и пришел Антон Борисович.

Утром, изнемогая от любопытства, подружки невесты, выдавшие ее накануне замуж за карлика, спрашивают молодую жену - «как почивали молодые»?

- Я этого не вынесу, - со слезами признается она. – Всю ночь бегал по мне и орал: «Неужели это все – мое?..»

Анекдот рассказывал в аудитории однокурсник Антона Борисовича, одевавшийся в стильный кожаный пиджак, который привез ему отец, побывавший в загранкомандировке во Франции. Жил этот остряк-самоучка на Садовом кольце, а ростом был на голову выше даже Антона Борисовича, не говоря о тех, кому не повезло еще больше. Кроме настоящих американских джинсов, черной водолазки и пиджака отец привез ему бежевую замшевую куртку с индейской бахромой из тех, что Антон Борисович видел только в зарубежном фильме «Прерия». В этой куртке он спокойно поехал «на картошку», пел в ней песни вечерами у костра, разбивая сердца немногочисленных «мифических» девчонок. А когда несколько искр от костра прожгли куртку в нескольких местах, он ни капельки не расстроился.

Если учесть, что все остальные ребята поехали на картошку в солдатских шинелях, выданных им в АХЧ института, но надо понимать, как фантастически выглядела эта ковбойская курточка в бескрайних прериях Подмосковья. На красивом, без единого прыщика лице ее обладателя было написано только безмятежное удовлетворение жизнью, будто дома его ждало неисчислимое множество курток и других зарубежных вещей, о которых нельзя было и мечтать без московской прописки с производственным допуском от первого отдела.

Карлик проверил аттестационные ведомости и нахмурился. Антон Борисович понял, что и общую физику этот юморист сдал в срок с допустимой погрешностью измерений. Проверив успехи самого Антона Борисовича, карлик задумчиво хмыкнул и сказал, что с такой успеваемостью ему для начала придется стать комсоргом курса. А потом пусть не пугается, а тихо ждет, когда с ним «поговорят». При этом карлик поднял крошечный пальчик вверху, а Антон Борисович сделал все возможное, чтобы на его лице не отразилось, как им вспоминается известная песенка, которую пел обладатель зарубежных сокровищ: «А у лилипута ручки тоньше лягушки!»

После разговора с карликом ему пришлось выступать на всех семинарах по марксистско-ленинской философии, научному атеизму и прочим необходимым предметам, так что никто не удивился, когда его, в конце концов, избрали при общей апатии комсоргом курса.

Через пару недель после избрания к нему подошел мужчина в строгом черном костюме – «поговорить». Он представился Львом Ивановичем и посмотрел на нового коллегу оценивающе и свысока. Антон Борисович даже на секунду пожалел, что пошел тогда с тем анекдотом к их лилипуту. Ощущение было мимолетным, но, пожалуй, самым пронзительным из всех, что довелось испытать за еще недолгую жизнь. То, что внезапно дошло до его сознания, он мог бы формализовать – как ощущение непоправимости своего поступка.

Его собеседник, нисколько не смущаясь, прикидывал вслух, куда его лучше пристроить, где новый сотрудник будет полезнее всего. Хотя будничность тона уже успокоила нового борца на ниве общественной морали, все же этот разговор оставил сосущее неприятное чувство тем, что лицо самого инструктора не задерживалось в памяти и постоянно ускользало. Антону Борисовичу даже показалось, что стоит его новому знакомому прислониться к фасаду из серого кирпича, он сольется с ним в полной неразличимости даже в своем черном костюме. Короче, от этого человека оставалось впечатление недоумения от отсутствия самой незначительной возможности идентифицировать его личность даже на уровне: «А с кем это я говорил?..»

Впрочем, и разговор оставил двойственное впечатление. Лев Иванович сказал, что ему придется заняться шахматами, поскольку в институте была одна из самых сильных шахматных секций. И тогда у него возникнут достаточно прочные и плодотворные связи со структурами МВД.

Вряд ли он понадобится КГБ, где трудился сам Лев Иванович, все-таки это не его уровень. А в сотрудничестве с МВД он лучше раскроется. Но в определенный момент Антон Борисович должен будет выполнить ряд необременительных поручений.

На прощанье Лев Иванович, чему-то улыбнувшись, сказал не столько Антону Борисовичу, сколько самому себе, странную фразу: «То, что происходит в реальности – лишь слабое отражение того, что происходит на сумеречной стороне!»

* * *

Закончив институт, Антон Борисович работал в разных закрытых отделах, где получил со временем не только и столичную прописку и жилье, но и твердую уверенность в будущем. Его нисколько не огорчал факт, что при такой работе его фото вряд ли появится на доске почета *alma mater*. Он намеренно выпал из общего поля зрения, не посещая встречи выпускников, хотя и был когда-то комсоргом курса. К московской олимпиаде в институте выстроили новый корпус с буфетами, а когда там учился Антон Борисович, то и перекусить-то в переменку было негде.

Антон Борисович обзавелся семьей, при улучшении жилищных условий неизменно подбираясь ближе к Садовому кольцу, чтобы его Дашенка, решившая стать балериной главного театра страны, не испытывала в жизни и малейшего замешательства от своей прописки.

Он стал своеобразным «паровозом» для всей семьи, помогая младшему брату устроиться преподавателем в Академию Министерства внутренних дел, тихонько ориентируя его знакомства и научные интересы.

Однажды раздался вполне ожидаемый звонок от Льва Ивановича, который попросил его устроиться на работу в только что созданный центр информатики в архитектуре и творчестве Академии наук. Антон Борисович приложил немало усилий, чтобы через непродолжительное время возглавить центр, с удовлетворением понимая, что к столь ценной информации далеко не все могут предложить соответствующий допуск столичного вуза.

Забыв о прежних сложностях, связанных с приобретение профессии инженера-физика, он осваивал генеральные планы столицы, тщательно отмечая наиболее «интересную недвижимость», земельные участки, изучая сети и коммуникации.

Он засиживался на работе допоздна, поражая своих несколько разболтавшихся в годы перестройки сотрудников, упорно работая с полной отдачей даже тогда, когда зарплату в центре начали выплачивать со значительными перебоями. И, видя, как жизненный уклад рушится вместе со страной, которую он в детстве считал неколебимой и вечной, он еще и еще раз испытывал тихое чувство благодарности судьбе за тот поход к человеку небольшого роста, ставшего, по слухам, начальником первого отдела.

В один отличный осенний вечер он вышел с работы пораньше, написав заявление на расчет, не намереваясь возвращаться в гибнущее учреждение с перепуганными сотрудниками, ждавшими массового сокращения. В портфеле он выносил последние генеральные планы, которые могли пригодиться ему в будущем. Вокруг свистел призывающий ветер, прохожие прикрывали от него серые растерянные лица, а Антону Борисовичу казалось, что лишь сейчас у него начинается настоящая жизнь.

Зайдя в тихий сквер с разрушенными скамейками, он встретился с хмурым Львом Ивановичем и передал ему кейс с чертежами, искренне рассчитывая, что больше никогда не увидит этого человека, лица которого он никак не мог запомнить.

Лев Иванович держал в руке странную камею на выцветшей ленточке, которая когда-то, очевидно, была голубого цвета. Взяв последнюю порцию чертежей, он сказал странную фразу, которую Антон Борисович постарался выбросить из головы, как и его самого: «Над твоей головой, Антон, кружит Аэлоппа – «вихрь», гарпия-убийца, гарпия-паразит. Куда бы ты ни отправился, она придет следом и сядет на плечи. И рано или поздно ты почувствуешь ее

нечеловеческую тяжесть... А это значит, мы еще встретимся, хотя я хотел бы проститься с тобой навсегда!»

* * *

На следующий день она действительно у него началась, причем, в совершенно неожиданных, на первый взгляд, ипостасях. С разрушением СССР рухнуло и множество мощных государственных предприятий всесоюзного масштаба, в том числе то самое учреждение, в котором работал отец его однокурсника, щеголявшего в замшевой куртке, - Всесоюзное Международное Транспортно-Экспедиторское Объединение «Союзвнештранс». Вместо него возникло несколько контор с определенными, вполне прозрачными «интересами» в виде международных

транспортно-экспедиторских и логистических систем, интегрировавших весь спектр международных транспортных перевозок, главным аспектом которых являлось, конечно, таможенное оформление. Одну из таких контор с гордым названием «Внешэкспотранс» и возглавил Антон Борисович, предварительно обговорив все необходимые «контакты».

Одновременно он стал генеральным директором Фонда помощи органам правопорядка «Взаимодействие», открыв абсолютно новую страницу бытия силовых ведомств страны, которые в ходе «демократических преобразований» финансировались государством все хуже, что вызывало огромный отток советских кадров в частные охранные агентства. В условиях достаточно расплывчатого истолкования уголовного законодательства и становления «класса эффективных собственников», многие из которых имели за плечами не одну судимость, консультации с юристами, финансируемыми фондом, помогли избежать многих сложностей на пути становления отечественного сектора предпринимательства.

Меценатов фонд Анатолия Борисовича подбирал в ходе многоступенчатой проверки надежности, никак не рекламируя оказываемые услуги. За счет средств фонда многие отделения милиции были отремонтированы, снажены сигнализацией и компьютерами. На любой вопрос об источнике финансирования ревизоры получали исчерпывающий ответ: «Спонсоры!», не догадываясь, что в число «спонсоров» можно было попасть лишь через стайлинг-клуб, чуть позднее открытый Анатолием Борисовичем ради удовлетворения стремления человека к собственной неповторимости.

В клубе путем изменения внешнего облика, особых приемов его индивидуализации, - создавались абсолютно уникальные модели на основе серийных автомобилей. Многоголикий и индивидуальный стайлинг позволял преодолеть многие неудобства конвейерного производства, например, в случае «доводки» автомашин, числившихся в угоне за рубежом, доставленным по «каналам» Внешэкспотранса. Стайлинг всегда оставлял место для самовыражения и творчества владельца, открывая широкие возможности реализовать его при полной поддержке правоохранительных структур на самом высоком уровне. Наверно, было бы излишне уточнять, что в стайлинг-клубе устанавливались не только мощные динамики, встроенные бары и телевизоры, но и аппаратура для прослушки и видеозаписи. И чаще всего спецаппаратура устанавливалась без ведома реализовавших свой творческий потенциал владельцев автомобилей.

Неудивительно, что спустя непродолжительное время, отлично зарекомендовав себя на новом для него предпринимательском поприще, Антон Борисович возглавил корпорацию «Евроконтракт», основной сферой деятельности которой стали крупные оптовые поставки для МВД и других силовых министерств. Все в его отлично отлаженном хозяйстве выполняло свою функцию на хорошем уровне и в строго оговоренные сроки. У него было заведомо бессмысленно искать какие-то «взятки» или «откаты», так как к поставкам такого уровня он шел поэтапно и методично, учитывая любую мелочь на будущее.

Все понимали, что даже в отлично наложенном разветвленном механизме возглавляемых им предприятий заменить Антона Борисовича некем, ведь, как известно, не место красит человека, а человек – место.

Это не значит, что его успехам не пытались подражать. После него аналогичный фонд завели даже в Министерстве юстиции, курировавшем суды всех инстанций, - но лишь спустя два года после создания «Фонда помощи органам правопорядка». Да и многих тонкостей работы такого фонда в Минюсте так и не учли, не имея в своем распоряжении сотрудников с таким мощным аналитическим аппаратом, которым на всех должностях успел проявить себя Антон Борисович. Само название возглавляемого Антоном Борисовичем фонда снимало массу вопросов к финансовой стороне его деятельности. Как только звучало название фонда помощи правоохранительным органам, руки многих наиболее совестливых граждан сами собой тянулись в карман, чтобы хоть чем-то помочь родной милиции.

Фонд Минюста носил какое-то неопределенное и даже двусмысленное название – «Фонд общественной защиты прав граждан». С момента своего создания фонд при Минюсте сразу стал притчей во языцах, сомнительными способами «нарабатывая» надежную клиентуру. Под различными благовидными предлогами, например для оказания помощи заключенным в СИЗО, фонд искал спонсоров, составив серьезную конкуренцию фонду, которым руководил Антон Борисович.

Сам слух, что за хороший взнос в фонд Минюста можно было решить проблемы с правосудием, способствовал росту числа «перебежчиков», среди которых оказали нефтяные кампании и производители сахарного песка. Вся эта шумиха привлекала слишком много внимания к работе фонда. В результате многие пролоббированные фондом судебные решения сразу же бросали тень и на работу судов в целом, так как в условиях «нашего трудного времени», как говорили о 90-х годах в СМИ, было достаточно несложно отследить резкий подъем благосостояния сотрудничавших с фондом судей, внезапное обретение ими земельных участков и квартир.

Излишняя публичность работы фонда Минюста и несколько сорванных договоренностей вынуждали благотворителей фонда Минюста искать и других способы гарантии собственных интересов.

Одним из самых крупных благотворителей фонда был банкир, ставший героем криминальной драмы, вытекавшей из удивительной беспечности, с которой в 90-е годы было принято решать любые вопросы: от семейных - до производственных. Почему-то все деловые люди, являвшиеся желанными попечителями любого «правоохранительного» фонда, в это смутное время в любых жизненных обстоятельствах не видели для себя никаких других выходов, кроме насущной необходимости пристрелить своего ближнего. И самому Антону Борисовичу иногда приходилось в сердцах интересоваться, зачем же очередной солидный клиент пристрелил друга детства, да еще и у себя в машине, которую сейчас никаким стайлингом не замажешь? А человек совершенно искренне удивлялся его наивному вопросу: «Да у меня другого выхода не было!»

Вот примерно такой меценат появился и у «Фонда общественной защиты прав граждан». Вначале у этого банкира некие неизвестные лица застрелили друга, тоже банкира. А распорядителем имущества стал друг убитого, тут же перечислив крупную сумму в счет фонда Минюста. Многим тогда показалось странным даже не само прекраснодушное меценатство за счет недавно убитого друга, а то, что незадолго до убийства банкиры крупно поссорились. И вроде как убитый будто бы пригрозил подать в суд на своего будущего распорядителя имуществом, обвинив его в воровстве.

Некрасивая история, конечно, но с кем не бывает? Как говорится, все помрем, так стоит ли живым долго обижаться на то, в чем их обвиняли уже покойные? Но буквально через пару месяцев после того, как все распоряжения по имуществу были отданы, этот щедрый даритель поссорился с другим своим другом. И этот друг сразу пропал... с концами. Его имущество тоже поступило в распоряжение мецената с перечислением средств на всякие благородные цели

защиты прав граждан в размере 200 тысяч долларов, после чего банкир тут же получил удостоверение советника министра юстиции.

Но тут выяснилась одна неприятная деталь, второй покойный, в отличие от первого, успел подать заявление на их общего друга об «исчезновении» 200 миллионов долларов. Клиенты принадлежавшего ему банка обратились в милицию с заявлением, что их вклады похищены, банк прекратил существование, а председатель правления скрылся. Банкир-меценат стал фигурантом уголовного дела, выделенного в отдельное производство из дела исчезнувшего заявителя. В ходе обысков выяснилось, что как самую большую ценность банкир держал на даче в сейфе видеокассету, на которой был запечатлен в бане министр юстиции, люди из его окружения и три девицы по вызову. Все бы ничего, но сама баня принадлежала известным в Подмосковье бандитам и была расположена в их клубе в центре столицы.

Банкир был опытным шантажистом, поэтому часто пользовался этой «точкой», где многие помещения, прежде всего сауна, были оборудованы скрытыми видеокамерами. И по иронии судьбы не знал этого один министр юстиции. Он понимал, что в случае неприятностей ему очень поможет «банное» видео с шалостями.

После того, как фотографии банных развлечений просочились в газеты, министра юстиции сняли, а «Фонд общественной защиты прав граждан» прекратил свое существование. И чтобы больше никому из юстиции не пришло в голову организовывать конкурирующие предприятия, по деятельности фонда провели самое тщательное расследование, за что бывший министр юстиции был осужден, получив пять лет лишения свободы условно.

Как установил суд, средства фонда расхищались традиционным для середины 90-х годов способом, только 11% от полученных сумм было потрачено по назначению. Деньги уходили в фиктивные фирмы под договора об информационном, консалтинговом и справочном обслуживании и обналичивались.

Дефолт 1998 года, видимо, превысил «предел упругости» сложившегося финансового баланса. Под давлением общественного мнения Прокуратура в лице ее тогдашнего Генерального прокурора начала расследования по исчезновению транша Международного Валютного Фонда в 4.78 млрд. долларов, по нецелевому использованию кредита МВФ на 22 млрд. долларов и по коррупции в Центральном Банке РФ. Был дан ход расследованию спекуляций на рынке государственных кредитных обязательств (ГКО), в которых официально подозревались 780 государственных чиновников, включая дочерей президента страны. Было возбуждено сразу несколько громких уголовных дел по взяткам и хищениям при реконструкции Кремля и по приватизации сибирских нефтяных месторождений крупными олигархами. Были и другие дела, возникавшие почти каждый день, в том числе и знаменитое дело о долларах, которые выносились в коробках «из-под ксерокса» на финансирование президентской избирательной кампании. Поэтому Антон Борисович, испытывая смешанные чувства, затаился и ждал, когда прокуроры нагрянут и в его офисы.

Уголовные дела множились и вплотную приближались к тихой заводи Антона Борисовича при Министерстве внутренних дел. Все знали, как этот Генеральный прокурор резко настроен против «фондов поддержки» в недрах правоохранительных структур, не говоря уж о бизнесе, связанном с «растаможкой». Но как только тот занялся зарубежными счетами самых близких людей президента и крупными финансовыми потоками из Центрального Банка, всем стало понятно, что дни его сочтены.

* * *

В этих делах Антона Борисовича гораздо больше «справедливого возмездия» волновала ненужная огласка, выворачивающая изнанку любого крупного бизнеса. В связи с дефолтом, у него самого возникло столько проблем, что было уже не до страхов.

Дашеньку удалось устроить в кордебалет театра, где она иногда танцевала самостоятельные, пусть пока небольшие партии, но ее имя изредка уже появлялось на афишах и в театральных программах. Правда, было понятно, что на фоне гремевшей тогда по всей Москве балерины

Владимирской его Дашеньке не стать примой. Антон Борисович сам видел Владимирскую в «Спящей красавице», поражаясь ее красоте, отточенной грации движений и легкости.

Сделав для Дашеньки все, что не смогли когда-то для него самого сделать его родители, он незаметно для себя пропустил этот удар судьбы в виде «небалетной» конституции дочери. Дашенька всегда была милым улыбчивым ребенком, пусть и капризным. Он восхищался каждым ее движением. Но, сидя в зале, восторженно рукоплескавшем Владимирской, он понимал, что ей никогда не продвинуться дальше виллисы на фоне высокой царственной балерины, явившуюся каким-то ожившим воплощением Терпсихоры. Он даже слышал этот шепот восхищения: «Терпсихора!»

Его отцовское сердце таяло от горечи, поскольку зал не только не оценил, но, похоже, вообще не желал замечать старание его дочери. Ее выходы, к которым она готовилась с замиранием сердца, - воспринимались лишь декорацией, обрамлением каждому появлению Владимирской. Дашенька так ждала этого вечера, надеясь, что он сыграет решающую роль в ее судьбе, но зал, полностью покоренный Владимирской, удостоил ее лишь равнодушными вежливыми аплодисментами завзятых театралов.

Впервые за много лет Антон Борисович вдруг со всей горечью несправедливости судьбы вспомнил карлика из первого отдела, его лицо, с которым он выслушал рассказанный им анекдот, его детские пальчики, судорожно перебиравшие бумаги на столе. От пережитого им унижения он закрыл ладонями лицо, потому что Даша на фоне почти двухметровой Владимирской выглядела таким же карликом – с короткими ножками далеко не безупречной формы. Она была хрупкая и женственная, но в ней не было той царственной красоты, вылившейся в роскошные формы великолепной Владимирской, чья кожа мрамором сияла в свете софитов.

Нет, тот вечер не стал для Даши триумфом, хотя Антон Борисович сделал все, чтобы его старшая дочь этого не почувствовала. Нанятый им молодой человек вынес ей корзину цветов на поклоны, а сам он дома долго восторгался ее растущим мастерством. Но уже он понял, что дочь остро нуждается в его помощи, а главное, в его личном жизненном опыте на пути преодоления препятствий, которые от самой Дашеньки никак не зависели.

Раньше он не придавал значения самому существованию балета, увлечению дочери, ее карьере, считая, что и сам сможет обеспечить дочерей вполне достойно, чтобы не вызывать пристального внимания прокуратуры. Но, выходя из буфета, он услышал оценку, данную его дочери явно разбиравшимся в классическом искусстве высоким худым мужчиной, возле которого вились дамочки богемного вида. Антон Борисович даже смутно помнил его лицо, обрамленное неопрятного вида бородой. Внезапно он вспомнил, что неоднократно видел его по телевизору с его женой, известной балериной, и даже поиском ее глазами в буфете. Случайно он видел какую-то передачу, где их называли «лучшей балетной парой мира», а самого мужчину представляли в качестве директора театра. Антон Борисович немедленно сделал к нему шаг, чтобы попытаться познакомиться и «замолвить словечко» о Дашеньке, но внезапно услышал его тираду о дочери, сказанную с плывущей интонацией часто пьющего человека: «А... эта?.. Серая мыша какая-то... Ни кожи, ни рожи!»

Антон Борисович почувствовал, как от такой критики почва ушла у него из-под ног в острой жалости к своему несчастному ребенку, вынужденному работать под началом человека, способного с невероятной легкостью поставить жирный крест на всех ее жизненных устремлениях. С тяжелым вздохом он на продолжительное время оставил возникшие у него радужные планы лично заняться классическим балетом с пользой для карьерного роста дочери.

* * *

После этого памятного вечера в театре, оставившем тяжелые раздумья, как некоторым совершенно незаслуженно везет при рождении, а другим выпадают заранее проигрышные начальные условия, - до Антона Борисовича весьма опосредованно доходили все последующие события публичной расправы с Генеральным прокурором, когда-то вызвавшим ряд серьезных опасений и у него самого. Карьера дочери занимала все его сознание, оставляя лишь небольшой кусочек «внешним раздражителям». Он лишь поставил себе «зарубочку» на будущее, каким лакомым куском является реконструкция знаковых исторических объектов для всех власть имущих. Но, честно говоря, он давно махнул на происходящее рукой, считая, что Генерального прокурора буквально на днях должна сбить какая-то большегрузная машина. Что-то внутри Антона Борисовича подсказывала, что точку во всех этих громких расследованиях лучше всего ставить именно таким образом.

Однако его ожидания не оправдались, поскольку вдруг по всем каналам начали крутить пленку с мужчиной, развлекавшимся в постели с двумя девушками по вызову, сообщая, будто на ней снят досуг главного разоблачителя коррупции.

Антон Борисович, конечно, сразу понял, что у тех, кто готовил этот «фильм», сработали ассоциативные связи с крахом министра юстиции, а, возможно, и с собственными пережитыми страхами, что аналогичными «сюжетами» может внезапно закончиться и их собственная карьера. Пребывая в постоянном мысленном сравнении физической конституции своей Дашеньки со статьями ее конкуренток, он тут же для себя выявил, что «лицо, похожее на Генерального прокурора», снимавшееся в фильме исключительно со спины, имеет более длинные ноги, чем это можно было бы предположить по антикоррупционным выступлениям самого прокурора в Государственной Думе. У мужчины на пленке был и несколько тяжелее зад, а его партнершам было явно за тридцать. Вызывало сомнение и удивительно плохое качество видеосъемки. По официальной версии, Генерального прокурора снимали в огромной старинной квартире на Полянке ради прекращения нескольких уголовных дел по хищениям на сотни миллионов долларов по заказу мультимиллионеров. Заказ выполняли специалисты службы безопасности крупного столичного банка, в прошлом сотрудники КГБ, отличные профессионалы. Антон Борисович отлично знал, какое качество давали портативные камеры, появившиеся на рынке. Их поставкой занималось и руководимое им предприятие «Внешэкспотранс», поэтому он не понимал, зачем давать такое намеренно скверное качество записи, если на кону стояли интересы влиятельнейших людей России, включая самого президента и его семьи. Неужели в этом случае нельзя было установить камеры так, чтобы не было никаких сомнений, кто развлекается с девицами в служебное время?

Впрочем, сам Генеральный прокурор, пытаясь возбудить дело о шантаже, «развеять нелепые домыслы и гнусные инсинуации», даже не понимал, что с ним в целом поступили гуманно, чего Антон Борисович, признаться, не ожидал. Этой пленкой и отыгранным скандалом, повторявшим все нюансы «банного скандала» с бывшим министром юстиции, прокурору просто сохраняли жизнь. Сам скандал был рассчитан вовсе не на его жалкую репутацию, поскольку не только она, но и его жизнь не стоили ни гроша после возбуждения им дела о реконструкции Кремля. Удар с компроматом в виде постельной сцены, снятой в духе появившегося на рынке «домашнего видео», рассчитывался на сотрудничавшую с Генеральным прокурором женщину, занимавшую аналогичную должность Генерального прокурора в Швейцарии, где тогда было расположено наибольшее количество валютных счетов всех коррупционных схем. В наиболее смешном виде, эта пленка выставляла вовсе не российского, а именно швейцарского прокурора, державшую на руках все доказательства об отмывании денег на реконструкции Кремля.

Антон Борисович понял, что прокурора не прикончили именно потому, что в этом случае швейцарка пошла бы до конца в память о своем российском коллеге. Но и «девочек» для постельной сцены подобрали немолодых, чем-то напоминавших по конституции сухопарую прокуроршу. И когда начали крутить это видео и поднимать на смех оправдывающегося прокурора, именно репутация его коллеги-женщины оказалась в наиболее уязвимом положении. Впрочем, он старался не фокусировать внимание на всех участниках этих громких разбирательств. Но с безошибочной реакцией шахматиста он отметил для себя одно заинтересованное его действующее лицо этого широкомасштабного театрального представления по мотивам недавно отгремевшей постановки «С легким паром!» от Министерства юстиции. В телекамеры всех каналов постоянно влезал редактор журнала «Театральное обозрение», где Антону Борисовичу страстно хотелось бы увидеть статью о восходящей звезде балета Дащенко.

Этот редактор, выступавший на телевидении с новостями культуры, постоянно делился впечатлениями, которые он вынес из просмотренного видео с «лицом, похожим на Генерального прокурора страны». С его легкой руки иначе никто этого персонажа уже не называл, хотя Антон Борисович все больше убеждался, что по конституции актер, игравший роль Генерального прокурора, - гораздо ближе к самому впечатлительному журналисту. Он отметил про себя, что некоторое время, пока Генерального прокурора окончательно не смешили с занимаемой должности, этот человек находился под подпиской о невыезде в рамках уголовного дела о шантаже. Поэтому нисколько не удивился, узнав, что как только карьера прокурора была окончательно уничтожена, а сама его фамилия немедленно вызывала юмористическую реакцию одной фразой «лицо, похожее на...» - этот фигурант несостоявшегося дела о шантаже был тут же назначен на пост руководителя государственным телевещанием, а впоследствии - министром культуры.

* * *

Антон Борисович и сам был не прочь посмеяться над «банальными скандалами» и «лицами похожими на...», однако скоро почувствовал, что после такого эпатажного завершения коррупционных скандалов что-то начало стремительно меняться в окружавшей его деловой атмосфере. Вначале резко сократились благотворительные взносы в его фонд, поскольку все заинтересованные лица теперь предпочитали действовать напрямую, без его посредничества. После закончившихся ничем уголовных дел в высших эшелонах власти, дать взятку или принять ее – стало простым и обыденным делом. Затем перестал быть рентабельным стайлинг-клуб, поскольку появились фирменные автосалоны, а показателем «индивидуальности и самовыражения» стали дорогие автомобили индивидуальной сборки или дополнительной комплектации.

Слабая надежда оставалась лишь на «Внешэкспотранс», но после скандала с Генеральным прокурором эту «лавочку МВД», как все называли его международную транспортно-экспедиторскую и логистическую фирму все клиенты, - начали теснить аналогичные фирмы с представителями отставников спецслужб, ОАО РЖД и самой таможни. Министерство внутренних дел все меньше котировалось в этих раскладах, а в фирмы Антона Борисовича представители «крышущего» министерства вдруг стали сажать «крысят», как женщины из бухгалтерии называли молодых людей, родители которых не смогли устроить их в банки, государственные корпорации или само министерство. Именно они, а вовсе не Антон Борисович, через короткий промежуток времени стали отслеживать все финансовые потоки, изымая из дела крупные суммы на пополнение зарубежных счетов в оффшорных зонах.

И в этих условиях ему иногда казалось, что не Генеральный прокурор, а он сам и его жизнь безвозвратно погибли в недрах скандального разбирательства, из которого победителями вышли новые люди - без внутренних пут природной осторожности, когда-то по рукам и ногам связывавших самого Антона Борисовича.

Какое-то спокойствие он испытывал, постоянно читая две книги по шахматам - "Размен в эндшпиле" и "Нетождественный размен", мысленно повторяя наиболее интересные партии. Это стало какой-то навязчивой потребностью – ощущать себя в знакомых упорядоченных условиях, не ожидая от жизни никакого подвоха и игры без правил.

Решив однажды пополнить свою изрядно потрепанную шахматную библиотеку, он увидел, что рядом со стендами, заполненными новыми интересными книгами по защите и окончаниям, - стоят репринтные издания под общим названием «Hargazein». Многие постоянные покупатели книг по шахматам не только с удовольствием рассматривали новые поступления, но даже спрашивали продавцов, не появились те или иные книги. Так Антон Борисович впервые столкнулся с книгами про гарпий, попутно узнав и о новой моде среди молодых шахматистов: многие из них начали делать себе тату в виде устрашающих гарпий, раскрывших когти.

Само слово «Hargazein», от которого и произошло название «гарпия», означало «хватать». Он вспомнил, как в детстве тренер говорил им «съесть» ту или иную фигуру противника. Он предположил, что подобная символика в ставших модными татуировках – как-то отражает агрессивную тактику того или иного игрока. Но когда Антон Борисович поинтересовался об истоках такого необычного увлечения у знакомого, в ответ он услышал странное утверждение, будто наступило «время гарпий», все вокруг это чувствуют, а остree всего те, кто привык мысленно разыгрывать шахматную партию.

Возможно, в первый и последний раз в жизни, Антон Борисович поддался импульсу общего интереса, повальной моды - и приобрел несколько рекомендованных ему книг о гарпиях. Книги давно ничего не могли объяснить в происходящем вокруг, поэтому он уже забыл, когда держал в руках что-то кроме статистического справочника или описания шахматной партии. Ничего не ожидая и от приобретенной тайком от домашних книги о гарпиях, он решил ее прочесть из свойственного ему чувства бережливости. За книгу были отданы деньги, поэтому не прочесть ее Антон Борисович не мог. И мир раскрылся перед ним с новой стороны, о которой он давно догадывался, выслуживая презрительные сентенции «крысят» в своих гибнущих фирмах.

На иллюстрациях гарпии обычно изображались в виде хищных птиц с головой и грудью женщины. Глубокая древность донесла их прежние имена, которые они когда-то имели при старых богах на давно исчезнувших языках - Келено, Никотеон и Тиелла. В прежние времена люди тогда видели лишь трех сестер, называя их тремя человеческими пороками: жадность, ненасытность и душевная нечистоплотность. Они считали, что все другие грехи вытекают из следования этим начальным порокам, зачастую не воспринимаемыми серьезно.

Гарпиям противостояли музы, которых тоже поначалу было всего три. Эти странные существа, принимавшие человеческий облик и олицетворявшие собой лучшие движения души, могли заставить силами искусства ощутить раскаяние, любовь ко всему сущему, радость жизни и наивное желание сделать мир лучше, а людей – счастливее.

Но какими бы пленительными не были музы, а гнет тягот материального мира и дурные склонности давали себя знать. Все чаще гарпии брали верх, и человечество погружалось в особые периоды – «время гарпий», когда клевета, желание жить за чужой счет, воровство, порочность – возводились общественной моралью в качестве лучших духовных достижений. Но каждый раз музам удавалось возвратить к разуму и чувствам людей, доказывая, что не стоит кормить собой гарпий, предаваясь порокам, а жизнь лучше посвятить творчеству во всех его многообразии.

Антон Борисович поймал себя на мысли, что начинает делить историю человечества по общественным формациям, к чему привык со школьных времен, а по наступавшим с определенной периодичностью «временам гарпий». И в такое время гарпии становились

настолько реальными, что люди слышали не только шум их крыльев, но различали даже их имена.

У Гомера, не называвшего ни их числа, ни всех их имен, упоминается только Подарга - «быстрононогая». Гесиод называет их крылатыми кудрявыми богинями по имени Аэлла («Вихрь») и Окипета («Быстрая»).

«Отец трагедии» Эсхил был первым в истории человечества, кто заметил, что гарпии уродливы (Eumenides), несмотря на их ангельский лик. Более полное описание их импульсивного поведения и истеричных повадок появляется в эпическом цикле об аргонавтах. В поисках золотого руна аргонавты встретили Финея, наказанного слепотой и преждевременной старостью за злоупотребление даром пророка. Финей голодал из-за гарпий: *«Гарпии лишают обреченных куска хлеба, налетая черным облаком. Еще издалека по шуму крыльев я слышу, что приближается Келено, она окликает сестер. Они прилетают и уносят всю мою пищу, опрокидывают и оскверняют чаши. Эти монстры все время голодны, они не знают насыщения».*

Гарпия Келено позднее стала называться Келайно, «мрачная». Свое имя она получила потому, что проклинала свои жертвы, меняя их будущее, пожирая их надежды, вместо родителей наставляя детей и приводя их к неминуемой гибели.

Та же троица гарпий, как описывалось в «Энеиде» Вергилия, преследовала Энея, спасавшегося из горящей Трои: «Нет никого ужаснее гарпий, ни чума, ни гнев богов не может сравниться с ними, взмывающими со Стигийских вод. Это птицы с лицами юных дев, у них когти на лапах, и они всегда бледны от голода... Внезапно они соскальзывают с гор на нас, громко хлопая крыльями, хватают пищу лапами, оглушительно крича».

Если Гораций описывал ненасытных гарпий вполне реальными существами, то Гераклит явно с ними не сталкивался, изображая их аллегорически, как совокупность пороков, главным из которых он считал похоть. Пророческие проклятия Келайно истолковывались им вполне pragmatically: своими пороками человек всегда перекрывает себе дорогу в будущее.

Сдержаные упоминания о нравственной глухоте гарпий, их циничной жестокости и порочной неудержимости можно встретить у Евстафия и других философов Средневековья. Третий Ватиканский толкователь мифов объединял фурий и гарпий и объяснял, что их нападению в жизни подвергаются скопцы и жестокосердые люди, становясь под их влиянием настоящими монстрами, сеющими порок вокруг себя.

В XV веке Джованни Беллини в серии аллегорических панно, иллюстрирующих семь смертных грехов, изобразил гарпию в виде аллегорической фигуры, олицетворяющей алчность. В XVI веке итальянский собиратель мифов Натале Конти в своем трактате сообщал, что внешний облик гарпий дает полное представление, во что перерождаются души скопцов под их влиянием. Ведь скопость – главное качество, из которого вытекало и желание прожить чужие жизни, обобрать их и лишить смысла, а не украсить собственным творчеством.

Многие средневековые моралисты и авторы «Книг символов» эпохи Возрождения использовали мифы о гарпиях для дидактических целей, делая акцент на необходимости покаяния и очищающей душу любви ко всему сущему.

Некоторые авторы отмечали, что от гарпий исходит зловоние. Но его ощущают далеко не все, это запах тлена, запах смерти духовной. Гарпий называли «похитительницами душ», они неизменно приводили к гибели душу любого, кто проявлял в их отношении слабость.

Во времена Ренессанса гарпии появляются в образе убийц в иллюстрированных книгах нравоучительных стихов, написанных в классической традиции под влиянием трактата «Homicidia sui ipsius Ultor» («Убийца мстит самому себе») с призывом к злодеям раскаяться в своих преступлениях. Писатель-символист Рейнхард называет гарпий как «Tria Animi Monstra» - трех монстров разума. Английский современник этих писателей Генри Пичем перемещает гарпий на королевский двор и сопровождает свой стих гравюрами, изображавшими трех гарпий с именами - Лгунья, Льстица и Тунеядка. А неутомимый энциклопедист Альдрованди, обобщивший классические и средневековые сведения о гарпиях, выделил следующие рубрики-характеристики: жадность, ненасытность, нечистоплотность.

Зоолог Конрад Геснер, отмечал, что современные ему ученые отождествляют гарпий с крылатыми демонами, смерчами и голодными псами. В своих дневниковых записях он сообщил случай, когда при нем упоминалась гарпия Аэлоппа. К нему в дом неожиданно ворвался друг юности, который стал богатым заносчивым человеком, прекратившим любые знакомства с прежними приятелями. В слезах он умолял Конрада помочь спасти его душу. Он и раньше чувствовал, что кто-то незримый помогает ему в достижении богатства и влияния, но сейчас все утратило для него смысл. Когда самые его рискованные предприятия оправдывали его ожидания, он думал о своем необычайном «везении» на грани с «избранностью», все дальнее погрязая в душевном пороке, считая себя куда более достойным почестей и власти. Он растлевал многие души людей, видевших, что его обходят стороной все невзгоды мирского бытия только потому, что он проявляет к ближним необычайную жестокость, действуя за их спиной. И сам Конрад, посвятивший свою жизнь науке, подозревал, что стал жертвой его оговора. Но он и представить себе не мог, что однажды человек, достигший немыслимых высот в обществе, будет на коленях искать у него спасения, поняв, что все время, пока он свысока смотрел на других, уверенный, что лишь он один «умеет жить», его душа сползала с него, как змеиная кожа. И эта субстанция, с которой он так и не привык считаться – единственное, что может насытить охотившуюся за ним гарпию.

Конрад начал читать молитвы, начертил меловой круг, зажег церковные свечи. Его знакомый в искренних слезах раскаяния молил о спасении собственной души. Но сильный порыв ветра распахнул окна, потушив все свечи, ворвавшийся вихрь пронесся по комнате и неожиданно утих. Когда Конрад закрыл окна и вновь зажег свечи, его гость сидел неподвижно, с нескрываемым изумлением глядя вокруг себя. Он извинился за неуместный визит и выразил надежду, что Конрад никогда не использует его откровенность в личных целях, объяснив, что наговорил лишнего под влиянием горячки. За ним прибыла карета, он уехал к себе. А через неделю он погиб при странных обстоятельствах, как сообщали в газетах, но Конрад знал, что его знакомый покончил с жизнью вполне самостоятельно.

Во всех книгах Антон Борисович пытался найти упоминание о гарпии-паразите по имени Аэлоппа, которую человек может долго носить на плечах, но лишь под самый конец ощутить всю ее тяжесть. Но встречал лишь упоминание, что эта гарпия, хоть и носит имя, означающее «вихрь», передвигается в жизни крайне неуклюже, появляясь из ниоткуда и исчезая на продолжительное время в никуда. Лишь Джованни Беллини оставил странный рисунок, на котором был изображен человек с недобрым лицом, в голову и плечи которого впивалась когтями женщина-птица. К рисунку он не сделал никаких пояснений, кроме имени гарпии – «Аэллопа».

* * *

И пока Антон Борисович пребывал в этих диких фантазиях, все дальше уходя в тень воображаемых шахматных партий, с отчаянием глядя на свой стремительно мельчающий бизнес, Дашенька пыталась выбиться из опостылевшей «корды». Она готовила по две небольших роли в год, звезд с неба не хватая, стараясь удержаться над бездной театральной «корды» - кордебалета, куда ее пытались выпихнуть педагоги с крошечного отвоеванного плацдарма. Впрочем, с приходом нового министра культуры многое в театре стало стремительно меняться, поэтому к Дашеньке сильно не цеплялись. Новый министр привел с собой и нового директора из Санкт-Петербурга, где тот был директором драматического театра. Антон Борисович заметил эту общую тенденцию – ставить руководителями всех уровней людей, не имевших опыта, профессиональных навыков и внутренних задатков к руководству. Но, вспомнив «серую мышь», не без внутреннего удовлетворения оценил кадровый подход нового министра, который, наконец, действительно уравнивал шансы всех, кто получает при рождении несправедливо низкие условия старта.

Вот и его Дашенька при новом руководстве не только не скатилась в кордебалет, а даже начала претендовать на главные роли, поскольку балерину Владимирскую при новом директоре

дважды с громкими скандалами выгоняли из театра, мотивируя тем, что она – «слишком высокая и толстая». Антон Борисович, довольно хмыкая про себя, ясно слышал в этих упреках знакомые интонации нового министра культуры: «Высокое и толстое лицо, похожее на балерину Владимирскую».

Нет, он не мог не отдавать должного новому руководству, которое вдруг открыло перед его Дашей широкие горизонты карьерного роста, ведь его дочь не была ни высокой, ни толстой. До него доходила и шутка нового министра, высказанная им в ответ на упреки, будто на сцену главного театра страны выходят балерины со «слишком короткими ногами». Министр лишь довольно хохотнул в телекамеру: «Что значит «короткие ноги»? Они у них ведь до сцены достают? Достают! Остальное не имеет значения!»

Пусть о Даше пока не писали развернутых статей, упоминая вскользь и чисто информативно, но и в отношении Владимирской критика изменилась настолько, что все ее достоинства представляла природными недостатками: «Красивая, статная, холодная и самодостаточная в каждом па, она любовалась только собой».

Со своего хиреющего бизнеса Антон Борисович еще успел сбить значительную сумму к свадьбе дочери с известным премьером театра, имя которого накануне вошло в список двадцати лучших танцовщиков мира. Многое его коробило в этом гражданском браке дочери с красивым видным мужчиной, обращавшимся с ней так снисходительно, будто и в семье она должна была держаться в кордебалете.

Антон Борисович пришел в ужас, узнав накануне свадьбы, что регистрации в ЗАГСе не будет, так как жених его дочери еще не развелся с предыдущей женой, где у него рос десятилетний сын. Зять согласился «жить гражданским браком», потому что Даша сообщила о своей беременности, а сам Антон Борисович ходил к нему уговаривать «не ломать жизнь» его девочке. По старым «каналам» Антон Борисович знал о том, что в балетной труппе театра у гражданского мужа его дочери есть «старшая жена» - известная в прошлом балерина, которая многое сделала для его карьеры, становления, победы в конкурсах и зарубежных гастролях. Но из записей спецоборудования, подкинутого в машину зятя почти на автомате, из многолетней привычки, выработанной «стайлинг-клубом», он знал и о других его многочисленных интрижках. И когда дочь сообщила, что ждет второго внука, он попробовал серьезно поговорить с ним на эту тему, хотя разговор явно не задался с самого начала.

- Вам что, Антон Борисович, про мои любовные истории рассказать? – насмешливо поинтересовался зять. – Так бы прямо и спросили! Но вам-то это зачем? Вам что, Дашка пожаловалась?
- Н-нет, – нерешительно сказал Антон Борисович, вспомнив, как дочь неоднократно плакала в ванной. – А у тебя так много любовных историй?
- Я же мальчик, мужчина, – самодовольно ответил муж дочери. – У мальчика, мужчины они всегда есть.
- Да я не в этом смысле, – уточнил Антон Борисович. – Я в смысле их количества.
- О-го-го! – рассмеялся зять. – У меня их столько было... всех и не упомнишь. Я же только официально женат второй раз...
- А кто избранницы? – осмелился робко поинтересоваться его тесть.
- Да ладно, не хочу об этом, – оборвал разговор «по душам» зять и нахмурился так, что Антон Борисович поспешил сменить тему.
- А у тебя есть друг? Настоящий, – спросил он, на минуту задумавшись, а есть ли у него самого настоящие друзья.

Конечно, он рассчитывал, что зять скажет, что его Даша приходится ему хотя бы настоящим другом, а уж после, оттолкнувшись как-то от этого минимума, можно было бы перейти к оптимистической мысли о том, что надо бы как-то более приемлемым образом устроить семейные отношения, хотя бы поставив штамп в паспорте.

- Есть, – испытующе глядя на него, ответил зять. – Это человек, которого я люблю, ради которого готов ночью проснуться, сорваться куда надо, делать то, что вообще не умею, короче, пойти за ним в огонь и воду. Это другая женщина, о которой вы не знаете.

Он назвал настолько известное имя, что его слышал даже далекий от балета Антон Борисович, с изумлением понимая, что его зять – действительно известный танцовщик. До него дошло, что если со стороны зятя и был расчет в браке с его дочерью, то и она на многое рассчитывала, поставив целью добиться расположения этого красивого, но весьма ограниченного и самовлюбленного человека. Он вспомнил давний вечер ее несостоявшегося триумфа, с горечью осознавая, что своим «гражданским» замужеством Даша пыталась преодолеть условия «низкого старта» в балете, которые никак от нее не зависели.

- Я ее безумно люблю как человека и как профессионала, – продолжал его зять. – У нее огромные связи во всем мире, множество учеников... если вы понимаете, о чем я говорю.
- А ты не боишься, что в театре тебя не поймут... другие д-друзья? – в замешательстве поинтересовался Антон Борисович.
- В театре все знают, что я резкий на язык, говорю, что думаю, – презрительно парировал зять. – И вообще, если бы я не умел мудро относиться к своей карьере, понимать, что такое театр, я бы никогда ничего не достиг. Никогда! Поэтому не стоит вам интересоваться моей личной жизнью, у меня там все работает только на мою карьеру. И... я ненавижу балет!
- Что?! – поперхнулся Антон Борисович. – Ты с ума сошел?

- Да, да! Ненавижу, – подтвердил зять. – Потому что это не мужская профессия. Потому что это не занятие для мужика, потому что оно обделяет. Потому что я не могу нормально прийти с работы, выпить пива, заняться нормальной половой жизнью, пойти на рыбалку, сделать что-то, чтобы получить удовольствие от жизни, а не от геморроя, который меня окружает. Не могу!

- Я думал, что это тебе нравится, – растеряно проговорил Антон Борисович. – Жизнь в искусстве и все такое... Мне казалось, что это куда более нормальная жизнь, радовался даже за всех вас. Ну, что вы вне нашего погорелого театра. Но почему ты-то свою жизнь не считаешь нормальной?

- Я вам повторяю, я – мужчина! – упрямко сказал зять. – Но разве я могу себе позволить себе то, что позволяет обычный мужчина? Нет! Потому что завтра мне – танцевать. Потому что это меня отвлекает, я не думаю об этом, когда я занят своей профессией. Хотя как мужчина я должен думать только об этом. И расслабляюсь я тоже только в рамках своей профессии, которая у меня тоже очень скоро может закончиться! Как деньги, карьера и здоровье! Дети останутся, конечно, но больно я нужен детям без денег. И мне не нравится когда от танцовщика требуют, чтобы он

посвятил жизнь театру на том основании, что «театр - твой дом». Это слова, и больше ничего. Потому что театру ты нужен, только пока ты здоров, пока тебя можно «доить», но стоит с тобой хоть чему-нибудь приключиться - все, тебя выкидывают под зад коленкой, и ни-ко-му до тебя никакого дела. Вообще

- Постой, постой, - попытался остудить его горячность Антон Борисович. - А как же ты оказался в балете?

- Потому что моей маме с детства говорили, как ее сын необычно реагирует на музыку, что он не такой, как все, и не столько мама, сколько ее подруги повлияли на то, что мама меня отдала в балет. Вы же видели мою маму?

- Видел, - признался Антон Борисович. - И что теперь?

- А ничего! Тяжелейшая травма в моей жизни. То, чем я теперь занимаюсь, не работа для мужика. Это мое хобби. Потому что, к счастью, оно мне легкоается. Работа должна приносить деньги, а какие у меня деньги? Впрочем, я вижу, что и у вас теперь проблемы, хотя Дашка уверяла, что все будет иначе.

- Да, не смог оправиться после дефолта, - признался Антон Борисович. - Но я все-таки сомневаюсь, что твой идеал - пиво, толстый живот и рыбалка...

- Я, конечно, утрирую, - ответил зять, растирая поясницу. - Я рисую идеал, но несколько сниженный. Хотя для большинства - это именно идеал. И я хотел бы быть этим большинством, принадлежать к нему. Но не могу, судьба по-другому сложилась. Думаете, мне легко видеть, как все эти деятели искусств снимают сливки с моей короткой карьеры, таская тех же девчонок для эсорт-услуг попечителям? Вот и стараюсь компенсировать разочарование, чем могу.

Антон Борисович по достоинству оценил прямоту и откровенность зятя. Все эти его амурные похождения были способом преодоления обстоятельств, которые от него не зависели. Дела самого Антона Борисовича шли все хуже, а потребности увеличивающегося семейства росли. Пусть его несколько покоробило, что зять оказался настолько прагматичным и заурядным человеком, идеалом которого были мечты советского «авангарда всего общества», но это приносило значительное облегчение и самому Антону Борисовичу, испытывавшему раньше нечто вроде комплекса неполноценности перед зятем, посвятившим себя искусству. Он понимал, что куда лучше сможет договориться с человеком, мечтающим о пиве, рыбалке и нормальной половой жизни, чем с известным премьером, поставившим себе непостижимые для других «творческие задачи».

Окончательно задуматься о собственной роли в этих балетных историях, начинавших донимать его все больше, Антона Борисовича подтолкнула травма, полученная зятем прямо у дверей театра. Через неделю после их разговора, в день премьеры, он выходил после репетиции, когда огромная железная дверь подъезда со всего размаха въехала ему ручкой по бедру, разорвав внутри на 12 сантиметров четырехглавую мышцу бедра.

Зять поначалу ничего не понял, он дошел до машины, доехал до дома, но как только попытался выйти из машины, понял, что нога не разгибается. На «скорой» его доставили в больницу, где обнаружилось сильное внутреннее кровотечение. Два дня речь шла не о том, чтобы он смог танцевать на премьере, а о том, что он вообще уже никогда не сможет танцевать. Антон Борисович понял, что любая случайность может оставить его дочь с капризным инвалидом на руках - без профессии и каких-либо перспектив в жизни, да вдобавок без штампа в паспорте.

За все время болезни никто из театра ему даже не позвонил. Несмотря на то, что зять получил вполне производственную травму, за лечение пришлось платить самим. Театр не сделал ни малейшей попытки уделить своему сотруднику хотя бы толику внимания, что явно угнетало мужа дочери. Спустя два месяца глухого молчания раздался звонок, и управляющий балетом, как ни в чем не бывало, спросил зятя: «Добрый день, у нас «Жизель» будет на следующей неделе. Вы не хотите станцевать?»

* * *

И после двух месяцев походов с зятем по врачам, где пригодились его давние связи в МВД, Антон Борисович твердо решил как-то заняться этой новой для себя областью. Зять при нем вслух думал, куда бы с толком вложить те сбережения, что у него были, чтобы это могло обеспечить его самого и семью. Антону Борисовичу после «крысят» вкладывать было почти нечего. Мысль о том, чтобы привязать зятя к внукам – если не штампом в паспорте, то общим бизнесом, все больше импонировала его деятельной натуре.

Пока в балете все решали люди с мировыми именами, пока у Дашеньки не было никаких шансов выделиться на фоне Владимирской и других прим, - он испытывал гнетущий «комплекс чужака» и тягостное чувство непреодолимости «входного барьера» в новой для себя области. Но как только понял, что новый директор театра по всем ключевым постам расставляет несведущих в балете людей, без корней и связей в этой кастовой профессии, но с деловой хваткой и хорошо понятным ему умением «выстроить схемы» - он почувствовал, что и перед ним открываются новые возможности. Да, пусть он ничего не знал о балете, как говорится, «изнутри», но отлично видел, как новый директор собирается повысить рентабельность заведения для себя и новой команды менеджеров. Здесь на Антона Борисовича работал весь его опыт с начала 90-х годов, для которого вовсе не нужно было порхать по сцене в балетной пачке, видя в кошмарах разрыв связок и суровую критику.

Он лишь понимающие усмехнулся, узнав, что новый директор и министр культуры, после череды скандалов с постановками спектаклей, где в качестве «героев нашего времени» были выведены бомжи и проститутки, - закрыли театр на реконструкцию в связи с тем, что «более 70% здания пришло в негодность». Понимая, что к этим финансовым потокам его не подпустят, он понял, что сможет выстроить небольшой ручеек денежной речушки рядышком, чтобы помочь зятю и дочери. Он почувствовал и в себе тот необходимый в каждом новом деле подъем, когда все обстоятельства складываются необходимыми пазлами в основе нового предприятия.

Свою роль сыграл и его тайный интерес к балерине Владимирской, становившейся на глазах «публичной фигурой» со знакомыми ему признаками «публичности» по истории с Генеральным прокурором. Он сразу выявил для себя закулисного режиссера всей ее скандальной популярности, все дальнее отталкивавшей ее от балетных кругов, понимая, что в свои схемы он должен включить и его «интересы». Однако откровенность Владимирской сразу позволила Антону Борисовичу выделить для себя трех новых сотрудников театра, которых она ругала больше всего, уверяя всех, что в Санкт-Петербурге именно они входили в «ближний круг» художественного руководителя балета тамошнего театра, занимавшегося распилом средств на новых постановках и на всех гастролях труппы за рубежом.

Больше всего Антона Борисовича интересовал один из новых сотрудников по фамилии Мазепов. Вначале 90-х он в 30 лет стал самым молодым руководителем филармонии Санкт-Петербурга после внезапной смерти ее директора, бессменно руководившего филармонией в течение сорока последних лет и создавшего славу этого учреждения. Антон Борисович выяснил, что перед приездом в столицу Мазепова со скандалом изгнал с поста директора филармонии очень известный дирижер, - за растрату средств, вырученных на гастролях возглавляемого им оркестра. А как уверяла «пустившаяся во все тяжкие» Владимирская, Мазепов всегда выезжал за рубеж за неделю до начала гастролей театра. Там он не только заранее получал наличными все гонорары театра за предстоящие спектакли и концерты, но и договаривался с «нужными людьми» о приемах, которые устраивались в самых престижных «точках». Излюбленным местом для устройства таких приемов стал Версальский дворец, который он снимал, не считаясь с расходами. Поскольку представители прессы, политической и финансовой элиты общества приглашались на приемы заранее и, как правило, без жен, - в ходе спектаклей они могли облюбовать себе достойный предмет «театрального романа», а затем позвонить любезному распорядителю и сообщить имя избранницы. Наиболее красивые балерины должны были являться на эти приемы, потрясавшие своей роскошью, со строгим указанием Мазепова – ни в коем случае не отказываться от самых настойчивых «ухаживаний» под угрозой изгнания из театра и из профессии.

Дашу не всегда брали на заграничные гастроли, а уж на приемы приглашали и того реже, по поводу чего Антон Борисович не знал – радоваться ему или огорчаться. Начертив на бумажке парочку схем, отражавших новые тенденции в развитии классического искусства, он твердо решил действовать именно через этого молодого, но опытного и предприимчивого человека. Он понимал, что при всех своих амбициях его зять так и не поднимется с роли пусть и талантливого, но малоинициативного исполнителя.

Не поставив своего зятя в известность, Антон Борисович сделал две вещи, где помочь балетного премьера ему не требовалась. Он открыл в налоговой инспекции новое предприятие «Классические традиции», указав себя его единственным учредителем, и, призвав на помощь все свои связи в МВД, записался на прием к руководителю Федерального агентства по культуре и кинематографии, недавно перешедшему на эту должность с поста министра культуры.

В соответствии с кодами ОКВЭД при регистрации Антон Борисович указал в видах деятельности

организацию отдыха и развлечений, намереваясь принять деятельное участие в гастролях театра и продаже билетов на спектакли. Но основной его целью было и распределение ролей, чтобы упрочить положение дочери. Он видел, что этим мало интересуется не только директор театра, но и художественный руководитель балета, на должность которого был приглашен не слишком выдающийся танцор Батманский, не только не имевший такого послужного списка, какой имел зять Антона Борисовича, но и не являвшийся даже гражданином России. Антон Борисович вспомнил свои давние страдания по столичной прописке и вновь удивился наступившим временам, когда в людях на ключевых постах стали ценить не профессионализм, не потенциал и перспективы развития, а как раз наоборот. И человек вообще без корней в области – мог сделать быструю яркую карьеру, когда на него работали опытные подчиненные и сами советские бренды, созданные годами подвижнического и плохо оплачивающегося труда предшественников.

К моменту своего назначения Батманский не имел и малейшего веса или авторитета в балетных кругах, но место художественного руководителя балета театра мгновенно вытянуло его из тени, хотя зять каждый вечер плевался дома от «творческих потуг» нового руководителя. Антон Борисович с горечью видел, как новому руководителю зятя, являвшемуся вообще гражданином Украины, – тут же сделали российское гражданство и на каких-то невероятно льготных условиях предоставили квартиру, а вся труппа, где служили люди с мировыми именами, работала на его репутацию, создавая ему сложно оцениваемый задел на будущее. От его внимания не ускользнуло, что сразу после назначения нового худрука – директор театра получил звание заслуженного артиста Украины.

Для похода в Федеральное агентство по культуре и кинематографии Антон Борисович «забил» в основную деятельность предприятия производство и прокат фильмов, намереваясь сделать из Дашеньки звезду хотя бы средствами монтажа. С этой же целью он указал в целях издательскую и полиграфическую деятельность, а так же тиражирование записанных носителей информации. Встречу с новым главой Федерального агентства по культуре и кинематографии и недавним министром культуры Антону Борисовичу помог организовать его родной брат, музыкант

оркестра театра, с которым тихонько поговорила Дашенка. Разговор с бывшим министром культуры обнадежил, окрылил и разочаровал его одновременно. Приняли Антона Борисовича в агентстве хорошо, но лишь потому, что, как он понял, руководителю агентства было абсолютно все равно, перед кем расстилаться в любезности.

Они отлично поняли друг друга с полуслова. Однако бывший министр честно сказал, что к реконструкции театра его предприятие ни под каким видом не подпустят, а его зятю пока следует довольствоваться скромной фигурой художественного руководителя в другом известном столичном театре, чтобы в нужный момент вернуться в главный театр страны «на белом коне». И это, кстати, будет полезно и для расширения гастрольной деятельности нового предприятия «Классические традиции».

На том и порешили, хотя именно на этом достигнутом решении Антон Борисович в первый раз ощутил неприятное чувство тревоги. Он понимал, что зять стремительно теряет форму, а административный опыт работы ему будет очень полезным. Но он знал, что у названного его собеседником театра уже пропадал со всеми деньгами худрук балета, причем, прямо на зарубежных гастролях. И он тут же начал судорожно прикидывать всю шахматную партию, где условием отнюдь не победы, а хотя бы ничьей - было жесткое требование, чтобы деньги от гастрольных поездок собирались лишь в руках таких опытных людей, как Мазепов.

В качестве небольшой ответной услуги бывшему министру понадобились связи с таможней и экспедиторские услуги. От этого предложения Антон Борисович несколько напрягся, он рассчитывал лишь подробно оговорить процент своего участия в гастролях и совершенно не рассчитывал на интерес собеседника к таможне.

Антон Борисович был в курсе, что с поста министра тот ушел после официального предостережения Генеральной прокуратуры и официального предупреждения об ответственности за невыполнение требований закона в связи с попыткой безвозмездной передачи Германии собраний ценных рисунков и картин из музеев, якобы незаконно вывезенных с территории Германии в годы войны. Сам факт передачи означал бы передел и разрушение музеев всего мира, к тому же накануне этого грандиозного скандала, стоявшего министру его поста, было подписано международное соглашение о незыблемости музейных собраний. Но сразу после подписания Австрия, Германия, Греция, Венгрия и другие страны вдруг начали предъявлять к России требования о возврате экспонатов тех музеев, где накануне побывал с визитом министр культуры. Причем, ни одна из стран не могла представить каких-либо правоустанавливающих документов на требуемые культурные ценности.

Прокуратурой было установлено, что Минкультуры, в нарушение законодательства, не проводило экспертизу культурных ценностей, намеченных к передаче за рубеж. А вот о чем министра предупредили без протокола, так это о культурных ценностях, экспертиза которых была проведена. Большинство из них оказалось похищенными и подмененными грубыми подделками. Причем, за сохранность предметов истории русской культуры в Эрмитаже, к примеру, отвечала женщина, муж которой был не только связан с антикварами, но и запросто сдавал в ломбарды ювелирные изделия и предметы русского искусства. Причем сами факты хищений выявились только потому, что частные коллекционеры подняли шум и начали возвращать в музеи ценности, которые приобрели когда-то, пребывая в неведении о том, что они были похищены, случайно увидев на сайтах музеев перечень экспонатов с фотографиями. Тогда министр культуры на всех телевизионных каналах критиковал музейное руководство, указывая, что в музеях нарушалось множество инструкций - от приказов советского Министерства культуры до собственных норм: «Мы наложим все необходимые взыскания на руководство музеев, которые нужно сделать. Служба безопасности музеев хорошо защищает внешний периметр фондохранилища в основных зданиях, но к внутреннему перемещению самих вещей доступа не имеет».

По этим оправданиям Антон Борисович понял, министр был выбит из колеи и совершенно растерян повальным безвозмездным возвратом культурных сокровищ музеям. Он невольно выдал изначальную мысль, с которой и начался скандал с кражами из запасников. Министр думал также, как рассуждало и большинство лиц, осуществлявших кражи из музеев. Устроив

«распил» государственных средств при создании сайтов ведущих музеев в духе «новых веяний», министр, очевидно, нисколько не сомневался, будто, увидев свои сокровища в музейных перечнях, новые владельцы предметов искусства еще и будут горды тем, что обладают музейной редкостью. Его карьеру министра погубила мелочь, которую он просто не мог учитывать на физиологическом уровне: далеко не все коллекционеры и ценители искусства желают стать соучастниками кражи. Хорошо зная цену предметов искусства, отлично разбираясь в том, сколько люди хотят и могут заплатить за билеты в театр, в музеи, за обладание бесценными шедеврами, - он абсолютно не учитывал незначительный с его точки зрения факт, что люди во все времена тянутся к искусству, чтобы хоть немного осветить им собственную жизнь.

Но этот чисто прагматический подход и сблизил собеседников настолько, что они договорились создать сайт театра с возможностью прямых интернет-трансляций балетных постановок через видеохостинг с доступом для российских интернет-пользователей. В планах Федерального агентства по культуре и кинематографии было создание сети кинотеатров с возможностью демонстрации спектаклей с хорошим изображением и звуком, с привлечением крупных рекламодателей и продажей DVD с записями спектаклей.

Бывший министр рассказал, что у него и самого, как у человека необычайно творческого, есть планы создания мюзикла «Времена не выбирают, в них живут и помирают» на основе биографических мотивов. А логистические и таможенные связи Антона Борисовича нужны ему исключительно для реализации его новой творческой идеи, которой он поделился в свойственной ему восторженной манере импульсивного прожектора.

Как человек реальный и практический, он нисколько не сомневался, что занимаемый им пост – временное пристанище, поскольку повсюду велись разговоры о передаче функций возглавляемого им агентства – Министерству культуры. А он решил создать себе новую должность – нечто вроде «специального представителя Президента Российской Федерации по международному культурному сотрудничеству» как бы «для развития международного культурного сотрудничества, создания положительного образа России за рубежом». Понятно, что какой бы «образ России» он за рубежом ни пытался создать, это образ так и останется в виде медведя, которого лучше не злить. Этот образ подсознательный и внекультурный, он на Западе прочно въелся в массовое сознание, поэтому ничем такое уже не выбить, там этот образ уже на уровне генной памяти.

Тем не менее, он нисколько не сомневался, что эту должность ему дадут, поскольку на самом деле он решил создавать не «образ России», а имидж «первой леди», жены нового президента, - как необычайно культурной и образованной дамы, представляющей всему миру культурные программы фольклорного и классического искусства. Он сам при ней планировать стать кем-то вроде «посла по особым поручениям». Была же леди Диана - «послом доброй воли», а кто сказал, что у него воля – злая? И тут, конечно, связи и многолетний опыт Антона Борисовича окажутся весьма кстати, ведь как попало первую леди не доставишь, где попало не разместишь, а главное, ее досуг тоже на самотек не пустишь.

Антон Борисович, осознав, что бывший министр не собирается тащить за рубеж через его таможенные лазейки пропавшие культурные ценности, вздохнул с нескрываемым облегчением, поражаясь,

насколько тонко и тщательно тот разрабатывает свои грандиозные планы, продумывая каждую незначительную деталь. В результате то, что вначале казалось диким и невозможным даже в мыслях – вдруг обретало почву и становилось реальностью. Он умел превратить в собственное достоинство даже неудачные условия «низкого старта», именно они позволяли ему затевать то, о чём все вокруг до него и подумать не могли, чтобы назавтра он становился значительной фигурой в новых, созданных им самим условиях.

Поэтому Антон Борисович с вниманием отнесся к его предложению наладить контакты с заместителем директора театра Мазеповым, не обращая внимания на шлейф некрасивых историй, тянувшийся за ним из Санкт-Петербурга. Бывший министр назвал его «человеком-противовесом», который призван сдерживать нездоровые амбиции некоторых «звезд мировой величины», не позволявших развернуться в театре, используя все коммерческие возможности классического искусства. Бывший министр тогда ему сказал мысль, которая давно тревожила и самого Антона Борисовича: «Разве это справедливо, когда все дивиденды получают лишь те, у кого талант от бога? А мы-то все тогда... куда? Картину рисует нищий художник, а прибыль получает после его смерти тот, кто окажется ближе всех к его полотнам! Вот и нам надо пристроиться поближе к полотнам, а художников на наш век хватит».

* * *

...Все так и шло, как планировал бывший министр, добившийся учрежденной ради него должности «посла доброй воли». Реконструкция театра затягивалась, труппа потихоньку разваливалась, поэтому его зять был весьма благодарен тестю за своевременное участие в его судьбе. А Антон Борисович вплотную работал с господином Мазеповым, отслеживая творческие интересы Дашеньки.

Через его фирму организовывались гастрольные туры, он все плотнее врастал в финансовую кухню театра, уже не мысля своей жизни вне классического искусства, поскольку доход от «Классических традиций» постепенно начал компенсировать утрату доходов от его прежних предприятий, окончательно перешедших к «крысятам». Неплохую доходность давала и каждая новая постановка театра, поэтому Антон Борисович с понятной тревогой размышлял, что после окончания реконструкции театра, кормившей всех так, что скромным его бизнесом пока никто не интересовался, - ему придется гораздо сложнее доказывать свою необходимость.

Зять, будучи еще премьером театра, постоянно ворчал о том, какие неподходящие люди выбираются в качестве художественных руководителей балета. Последний худрук никогда не был ни хореографом, ни премьером, не понимая, что, в сущности, он вообще должен делать на репетициях с микрофоном в руке, как организовать на сцене действие шестидесяти человек. Иногда зять орал Дашеньке, что ему надоело, когда все держится на «сознательности» артистов балета с советской школой, на его личном опыте, на опыте других артистов, многие из которых прошли творческие стажировки и контракты на лучших мировых сценах.

Контракт с этим худруком заканчивался в марте, и Антон Борисович приложил немало усилий, чтобы с января организовать встречи директора театра с зятем, на которых речь заходила и о должности худрука балета. И в ходе этих встреч Антон Борисович выяснил, что о месте худрука балета строит планы не он один. Сам директор хотел бы видеть на этой должности своего протеже, тоже выходца из Санкт-Петербурга, с которым славно сработалась вся его «питерская команда», вместе с ним осевшая в театре. Единственным препятствием, дававшим им с зятем хоть какую-то надежду твердо обосноваться в театре, - был контракт фаворита директора, заключенного им с театром «Ла Скала». Контракт истекал лишь через год, а решение требовалось принять немедленно, и Антон Борисович был готов выпросить для зятя хотя бы «и.о.» - то есть должность временно исполняющего обязанности, хорошо зная, что ничего не оказывается таким постоянным, как что-то изначально временное.

Он пытался заверить директора, что его зять гораздо больше подойдет для этой должности, именно при нем директору никто и никогда не посмеет указать, что он не имеет специального образования, не является специалистом ни в опере, ни в балете. Но при этом ему гораздо

удобнее опираться на человека, который вырос в балетной труппе и не является в ней «чужаком».

Антон Борисович в своих раскладах не учел, что имеет дело с куда более опытными людьми, отнюдь не случайно поставленными бывшим министром культуры к финансовым потокам главного театра страны. На «временное пребывание» в качестве худрука балета у заместителя директора Мазепова была куда более лояльная кандидатура управляющего балетной труппой, у которого было не меньше, а, пожалуй, даже больше, чем у его зятя, данных для исполнения этих обязанностей. Да и административного опыта за его плечами было не три года, как у зятя, а почти восемь лет. Но главное, о чем был хорошо осведомлен Антон Борисович в силу своих профессиональных навыков, приобретенных им годами сотрудничества с МВД, этот кандидат был «на крючке» у господина Мазепова из-за совместных оргий.

Осторожный заместитель директора приохотил своего наивного «друга» снимать «домашнее видео» в ходе, так сказать, всеобщей «сексуальной революции», частично выкладывая наиболее яркие сцены на запароленных сайтах. Конечно, на сайтах не было фотографий, где можно было бы точно сказать, что это не «лицо, похожее на...», а сам управляющий балетной труппой. Однако Антон Борисович хорошо знал, что такие фотографии имеются в телефоне у господина Мазепова, поэтому его кандидат на пост худрука освободит свое место в любой момент, по первому его требованию.

Вот тут он первый раз поставил себе галочку за благоприобретенную привычку повсюду рассовывать спецаппаратуру и большие связи в МВД, где любые мобильные телефоны вскрывались простым выходом к оператору связи без ненужных формальностей, чтобы узнать частоту интересующего «мобильника».

И, незадолго до истечения контракта худрука, в Интернете были выложены порнографические фотографии с участием господина Мазепова и управляющего труппой. Конечно, при желании можно было бы выяснить, кто являлся владельцем этого специально созданного сайта, с какого адреса были «залиты» фотографии. Но с сайта, оформленного в цветах Большого театра, имевшего логотип управляющего труппой и его полную биографию, включавшую факты, которые он обычно не указывал в анкетных данных, уже была произведена рассылка по тысячам балетных профессионалов как в России, так и за рубежом. Затем сайт прекратил свое существование, а нанесенный им репутационный ущерб был таким, что целенаправленную провокацию было решено не расследовать, а как можно скорее предложить место худрука зятю Антона Борисовича, заявив, что переговоры с ним велись с января месяца.

Антон Борисович учел и другое обстоятельство. Многие после назначения его зятя ненадолго задумались, кому понадобилось применять для устранения его возможных конкурентов столь жесткий метод, опробованный на бывших генпрокуроре и министре юстиции. Но с первых же интервью зятя ведущим каналам стало ясно, что он не в состоянии продумать такой «многоходовки». И чем глупее его зять вел себя перед журналистами, пытаясь удовлетворить все амбиции сразу, тем легче на душе становилось у державшегося в тени Антона Борисовича, поскольку все косые взгляды и смутные предположения неизменно были адресованы бывшему министру культуры. Вначале он долго не понимал, что происходит, потом пытался оправдываться, чем вызвал уже не подозрения, а твердую убежденность в его причастности. Он мог проявить невероятную выдержку, зная, что чем меньше сам говорит на какую «тему», так она быстрее перестает быть актуальной, но в случае полной непричастности... не мог остановиться. И после очередной неудачной попытки оправдаться, он вылетел из числа «послов доброй воли»...

* * *

Но временами Антону Борисовичу становилось так тяжело, будто с возрастом он чувствовал, как его душа сползает с него змеиной кожей, отдаваясь болью в сердце и тяжестью в затылке. Он стал болезненно реагировать на погоду, с горечью понимая, что в темные осенние вечера, когда для его здоровья куда полезнее было бы отдыхать где-нибудь у теплого моря, для него наступает самая горячая пора, разгар театрального сезона. Иногда ему хотелось бежать, сломя

голову от своих обязанностей, - все чаще сквозь шум в ушах от повышенного гипертонического давления он слышал шум огромных крыльев и музыкальный женский смех.

Однажды, побывав в МВД по своим насущным проблемам, он понял, что лучше ему туда больше не ходить, поддерживая связи со своими потерянными и явно перепуганными кураторами где-то на стороне, в более спокойных местах. Он понял, что настали времена, когда ему надо срочно встретиться с Львом Ивановичем. Ему и мысли в голову не пришло, что за столько лет с этим человеком могло что-то случиться, он помнил, как Лев Иванович мог сливаться с любой окружавшей его обстановкой. И когда он услышал в телефонной трубке знакомый голос «Слушаю!», ему показалось, что тот где-то отделился от стены, как бы символизируя известную поговорку «У стен тоже есть уши».

- Ну, что, Антон? Все-таки пришел? – спросил его сидевший на скамейке Лев Иванович вместо приветствия после стольких лет, которые показались Антону Борисовичу тяжелым сном. Впрочем, и для Льва Ивановича эти годы не были манной небесной, судя по тому, как он постарел со дня их последней встречи.

- Пришел, Лев Иванович, деваться некуда! – грустно сказал он, присаживаясь рядом.

- Ты в МВД был? – догадался Лев Иванович.

- Побывал, Лев Иванович, не знаю, что и сказать, - признался Антон Борисович.

- Да нечего тут говорить, Антон, им уже не поможешь, - махнул рукой старик. - С ними такое сделалось, потому что вообще про дело забыли, а говорили вслух слишком много... из того, что говорить не следовало. Думал, может дела поправятся, как с ними немного разберутся. Так сказать, чуточку... охладят... гм... холодцом. Но как там гарпии осели, так генерал начал нести вслух несусветные вещи.

- Не хочу я в их сложностях разбираться, своих проблем по горло, - с раздражением ответил Антон Борисович, услышав про гарпий.

Он только начал радоваться, что у него закончился этот болезненный период в жизни, когда он, от ничего делать, читал книги про ферзевые и слоновые эндшпили и этих гарпий. Только начал на ноги становиться, как все на этих гарпиях будто свихнулись. Его куратор в МВД, которого он знал не первый год, накануне хватал его за руку и, задыхаясь от ужаса, говорил, будто у них по коридорам шастает огромная женщина-птица. И, дескать, этот кошмар видит далеко не он один, потому что количество самоубийств с применением табельного оружия в ихнем ведомстве после внеочередной аттестации подскочил на 7, 14%.

Когда Антон Борисович попытался его как-то успокоить и направить его мысли в более рациональное русло взаимовыгодного сотрудничества, тот, брызгая слюной ему в лицо, заявил, чтоб он тоже не слишком обольщался. Потому как сам таскает на плечах гарпию по имени Аэлоппа с огромными изумрудами в ушах, а он при ней служит собирателем душ. А поскольку сейчас он имеет дело с теми, кто вообще-то призвал спасать чужие души, то рано или поздно у него кормежка сорвется и ему придется досыта накормить эту тварь самим собой.

- Ты же сам отказался разбираться во всех этих сложностях поддержания равновесия, а видишь, как получилось... сам пришел, - сквозь шум в ушах услышал он голос Льва Ивановича.

- У меня дочка... в балет она пошла, - тихо сказал Антон Борисович, только теперь понимая, какой непоправимый для него шаг совершила дочь. Сейчас он бы многое отдал, чтобы дочка послушалась его увещеваний и пошла бы на юридический, а он бы без проблем устроил бы ее на работу в какой-нибудь престижный вуз при МВД, как уже сделал хорошую протекцию своему брату.

- Да и ты сам позднее к балету пристроился. А как все просчитал, как все взвесил и стрелки на бывшего министра культуры свел! – усмехнулся Лев Иванович, демонстрируя поразительную осведомленность в его делах. - Кому надо, тот помнит, как этот фрукт на генерального прокурора видео подставил. Мне даже после скандала с фотографиями домашней порнушки конкурента твоего зятя так и сказали: «Почерк налицо!» Хотя я узнал твой почерк, Антон, я же давно за тобой присматриваю. Ты думаешь, что нынешнюю ситуацию не ты создал? Да ведь только поглядеть, какого ты монстра выпустил! Другой бы на этом месте сидел бы тихо и такого

вслух не нес. На, почитай! Там у меня карандашиком выделено, на что все разом спикируют, там и между строк читать нечего.
Он подал Антону Борисовичу распечатку интервью зятя по поводу назначения его худруком балета театра с фотографией, где тот сидит на полу возле зеркала вполоборота так, что лицо зятя видно лишь в зеркальном отражении.

Никто не пишет о том, что наш генеральный директор театра первым забил тревогу и сказал, что театр в плачевном состоянии, при обследовании обнаружились огромные трещины, и здание могло как карточный домик сложиться в любой момент, в том числе когда там были зрители. Все пишут о подсвечниках, о низком потолке в зале, где занимаются артисты. И никто не говорит, что залов для занятий стало больше, а в том, где низкие потолки, из-за камерной атмосферы, очень уютно заниматься. А для того, чтобы подбрасывать партнершу, есть и другие залы с высокими потолками под 10 м. Самим артистам нравится именно маленький зал.

Можно критиковать, а можно сделать как я. Я пришел в театр с мыслью, что через семь месяцев туда войдут артисты балета и прошел по всему маршруту следования, посмотрел, что, на мой взгляд, было неудобно, непрактично, и написал список своих предложений. Придраться можно к чему угодно, даже к самому лучшему.

- Переведи это на русский, Антон! – донесся до него голос собеседника. - Сейчас всем ясно, через кого было решено устроить грандиозный «распил» денежных средств. Дальше можно отслеживать телодвижения главного фигуранта, его связи. Как только его убирают, так ведь все летит вверх тормашками.

Я в свое время работал в English National Ballet, танцевал «Лебединое озеро» в Альберт-холле. Это было довольно сложно, потому что зрители сидят по кругу, как на арене, и декораций практически нет никаких, приходится танцевать на все стороны, чтобы все зрители могли увидеть артистов. Так вот, когда мне подобрали костюм — я в нем даже ходить не мог. Приезжал на три дня в Москву, чтобы сшить новый.

Мне вначале сказали, что это невозможно, но сшили потрясающий костюм. Визуально он выглядел точно также как английский, но совершенно легкий, удобный, из эластичной ткани. Когда прилетел в Лондон — в театре не могли поверить, что это другой костюм. У театра всегда довольно дорогие костюмы, ткани заказываются по всему миру, это же большие деньги, но у нас есть бюджет для этого. Кроме того, театр хорошо зарабатывает для того, чтобы эти деньги потратить на интересные и громкие премьеры.

- Как мило! Ткани заказываются по всему миру... А чтобы теперь на круглой сцене оказаться в Альберт-холле, надо всего лишь Антону Борисовичу пару сотенок занести, да? – поинтересовался Лев Иванович, доставая из портфеля другие распечатки. - Долларов, конечно, не рублей! Но все равно посильно.

- Но в этом смысле любого бизнеса, - попытался оправдываться Антон Борисович. – Раз мы их проталкиваем на гастроли, ставим в спектакли, это же как бы работа импресарио, она должна оплачиваться.
- Антон, о том, кого вы и куда проталкиваете, изображая «импресарио» в труппе государственного театра, где твой зять обязан обеспечить занятость артистов, мы поговорим позднее, - пообещал Лев Иванович. - Зачем вам нужен этот некрасивый скандал с педагогической деятельностью ведущего премьера балета? Зачем было действовать так грубо?
- А как еще поставить его на место? И чтоб все на место поставить? – несколько склонно вразумил Антон Борисович.
- А я тебе скажу! Как «импресарио», вам надо было сидеть на булках ровно и стараться не плевать своим «клиентам» в лицо! – зло оборвал его стариk. – Большие деньги немного меняют характер в дурную сторону. Человек теряет осторожность и осмотрительность, перестает контролировать свое поведение, высказывания. И далеко не все деньги позволяют ему сидеть в подвале на сундуках. Такие деньги, которые хватанули вы в театре, – в точности также стремятся к публичности, как те, у кого вы их отняли, это сценические и немного бутафорские деньги. Долго и ты теперь в тени не усидишь. Это тебе не экспедиторская и логистическая деятельность, где тебе и платили те, кто не желал огласки. Именно этого ты добиваешься от танцовщика, сама профессия которого имеет смысл лишь при широкой известности. А вы его с директором по башке бьете, чтоб он «не высовывался», будто он – музейный вор!
- Возможно, перегнули немного палку, - согласился Антон Борисович. – Но разве деньги разумные существа? Да со времен введения в Риме налога на ассенизаторскую деятельность императором Веспасианом известно, что «деньги не пахнут»!
- А кто тебе сказал, будто у денег нет своего характера? – насмешливо поинтересовался стариk. – Сам-то разве не понимаешь, что проявлять собственный характер можно лишь до определенной суммы. А дальше деньги сами навяжут тебе «круг общения», мораль и религию. Созданные вами «механизмы зарабатывания» не предусматривают вашей личной воли, интеллекта, работы... это же сочетание определенных связей и безнаказанности. Это был советский принцип вашего незримого взаимодействия с разными силовыми структурами. МВД интересовали физики-шахматисты. И до определенного момента, пока вы следовали правилам, у вас все получалось... Но ведь всегда хочется большего, не так ли?
- Это я в свое дело «крысят» насадил? Я что, не делился? Я, может, дело не развивал? Или может я вдруг рванул в творческие деятели, как некоторые наши «шахматисты»? Или это я придумал «борьбу с экстремизмом»? – засыпал он старика риторическими вопросами.
- Антон, я с тобой говорю только потому, что знаю, как мало от тебя зависели общие процессы, – примиряющее заметил тот. - Но ведь и ты к ним руку приложил, потому сейчас и мы находимся в подвешенном состоянии. Ты видел наши прежние подходы, ты же шахматист! Нам требовалось вычленить Каллиопу, оставить ее в вакууме, подсунуть вместо нее классику и нечто соответствующее «партийности в литературе», с «вопросами ко всему обществу». Каллиопа – самая опасная из муз, она приходит установить связь времен и дать ответы на вопросы своего времени. А когда вопрос задается всему обществу без ответа, это гарантия, что он никогда не будет решен. Но, обрати внимание, что мы никогда не давали развернуться средней музе Эрато, а младших муз, напротив, ублажали так, что у Каллиопы не возникало и малейшего аргумента. Ведь все знали, что «в космосе и балете мы впереди планеты всей». Как-то так. А что сделали вы? А в частности, что сделал ты ради своей коротконогой бесталанной дочери?..
- Это моя дочь, начнем с этого! – со злостью выкрикнул Антон Борисович. – А вы хоть понимаете, что нынешнее «время гарпий» наступило именно в результате вашей прежней успешной борьбы с этой Каллиопой? И во многом все, что происходит сейчас, вызвано тем, что на ее место вы венчали своего стукача по кличке «Ветров», предававшего всех и вся на своем пути к Нобелевскому лауреатству за разоблачение сталинских репрессий.
- Да, возможно ты прав, - тяжело вздохнул стариk. – Тем хуже для всех нас. Если уж ты знаешь о «времени гарпий», ты должен понимать, что ни одно из них не длилось вечно. Я думал, что ты хотя бы удержишься после моего предупреждения о том, что по твоим пятам идет Аэлоппа. Я

знал, что она поможет тебе и расчистит перед тобой путь, чтобы подобраться поближе к тем, кто способен внушить чужим душам надежду. Но именно поэтому тебе надо было проявить осторожность, ты же шахматист, Антон! А ты превратился в подручную Аэлоппы!

- Куда было деваться? – в отчаянии схватился за голову Антон Борисович. – Я ведь уже начал их слышать. И думал, что время гарпий просто в самом разгаре.

- Нет, Антон, по всей видимости, их время может внезапно закончиться. Как они налетают неожиданно, так и исчезают. На земле достаточно мест для их кормежки. Это... как в шахматной партии, которую ты разбирал, ты знаешь правильные ходы, но все делаешь неправильно, будто кто-то или что-то не оставляют другого выхода. Скажи, чем вам так не угодила Терпсихора? Девушка импульсивная, не слишком интеллектуально развитая, оказались упорные занятия классическим искусством с детства. Так это же удача какая! Ты знаешь, сколько возни было с прежними Терпсихорами, которые прекрасно соображали, что несли вслух? Ну, выкинули ее из театра! Попытались ее высмеять, превратить в пугало, что, согласись, несложно, учитывая историю с бывшим генпрокурором. Так чего же удивляться, что воплощение Мельпомены, этот «Коля-Коля», сразу почувствовал свободные валентности? Младших муз надо было, наоборот, в хоровод выстраивать, чтобы они друг от друга зависели. Был бы этот Коля всего лишь партнером Владимирской, думаешь, возле него вились бы столько поклонников? Кто помнит премьера, танцевавшего с Владимирской? Да никто, поскольку все только на нее смотрели! Вам надо было этого Колю не на фоне серых мышей демонстрировать, а заставить его соревноваться с Терпсихорой! Вам надо было условия им создать, а не вызывать общее возмущение явной тенденцией превращения «последнего настоящего», как сейчас повсюду строчит эта Каллиопа, - в сборище серости.

- Да мы уж и форум специальный организовали, чтоб этих его поклонников заткнуть, - растерянно выдавил из себя Антон Борисович, не предполагая, что Лев Иванович настолько в курсе его балетных будней.

- Скажи, зачем было у этого «Коли» учеников отбивать? Зачем было их шантажировать? Зачем тебе было лезть с «финансовыми механизмами» распределения ролей и мест в гастролях - через своего зятя? – морщась, как от зубной боли, сказал Лев Иванович. - А твой зять потом ведь еще самостоятельно принял президентские гранты распределять, ставить на оплату спектаклей артистов из театра, где был худруком! А они даже на сцену не выходили! И все это не в старые времена, теперь это все выносится в Интернет. Мельпомену надо было нарочно выделить, создать такие особые условия, чтоб с ним вся труппа не общалась из зависти к его привилегированному положению, а не потому, что на него администрация заявления собирает. Ты ведь неглупый человек, Антон!

- Да создавали ему эти условия! Все никак не заткнется! – почти выкрикнул Антон Борисович, раздражаясь от одного упоминания о танцовщике с мировым именем, критиковавшем дирекцию театра за проведенную реконструкцию театра на всех телеканалах.

- Мало создавали! Его надо было загрузить педагогической деятельностью, чтобы времени не было на всякую критику. Его надо было понемногу на телевидение выдавать, культурные передачки вести.

- Да там же министр бывший! Он его терпеть не может! – заорал Антон Борисович. – Он давно реконструкцию театра критиковать начал, денежными потоками на реконструкцию заинтересовался, там заткнуть его ничем невозможно было.

- Нет, здесь оправдания мимо кассы, - строго оборвал его истерику старик. - Вас всех интересовало только то, что будет после реконструкции. Пока шли те потоки, вы все свою стороннюю копеечку имели, а нынче, Борисыч, опять твоим карманом заинтересовались, да?

- Да, - с искренним отчаянием выдохнул Антон Борисович. – А я уже не молод, Лев Иванович, нового финансового механизма не создам. А в МВД вы сами видите, что творится. На них рассчитывать бессмысленно, они полностью оторвались от реальности.

- Форменный беспредел творится, - задумчиво высказал его мысль Лев Иванович. - И все потому, что затронули Каллиопу, решив, что вместо тихих бесед за чаем о партийности в литературе, какими раньше удавалось привести в общему знаменателю прежних Каллиоп, – они

смогут с ней разделаться «экспертизами на экстремизм» по своим правилам, известным им одним. На основе американской книжки «Магия слова» и словарем Ожегова, составленном во времена военного коммунизма, они пропишут новые законы Великого и Могучего из предположения, что все вокруг – пока неразоблаченные ими «экстремисты». Что удивляться, что вся эта их кампания на ней и захлебнулась? А сколько вся эта армада продержалась против нее одной - на деле педагога и педофила? Его оправдали после ее статьи, а он ведь уже в тюрьме сидел! Он парашу выносил! Ты хоть понимаешь, что из тюрьмы после суда человек лишь в тюрьму мог попасть? Инструмент срашивания с властью-то надо осторожно использовать, это же часовой механизм! Им же нельзя изо всей силы по башке лупить! Хотя бы своей башкой соображать, кому лупите!

- Я-то здесь причем? – искренне удивился Антон Борисович. – Какое отношение все это имеет к балету?

- Ты вообще хоть немного шахматист, Антон? Раз с ней не удалось расправиться на периферии, она двинет прямо на вас, стоит вам только дернуться. И дело старого пианиста, обвиненного мамашей ученицы в педофилии, хорошо показывает, как она проведет с вами ладейное окончание. Ты ведь пришел поинтересоваться, стоит ли вам дергаться, верно? Я и предлагаю тебе посмотреть, как она всех грамотно обошла в деле этого педагога-педофила. То, что его оправдали – огромный удар по престижу правоохранительных органов. И удар вдвойне страшен, что за него заступилась баба, получившая судимость за экстремизм, писавшая раньше, что никакому «экстремизму» невозможно следовать без поддержки государственных структур! В деле педофила она вначале по косточкам выступление генерала разобрала. У этого идиота тоже хватило ума заявить такое на заседании Общественного совета при МВД. А Каллиопа на эти советы особую реакцию имеет, МВД их изначально создавало для борьбы с ее «экстремизмом», туда все ведущие «эксперты-лингвисты» входили. Они могли любой ее текст объявить «экстремистским» за небольшое вознаграждение.

Он подал Антону Борисовичу листок из пачки, где оранжевым фломастером было выделено сообщение из новостной ленты об очередном заседании Общественного совета при МВД.

Глава МВД предложил ввести в полицейских вузах курс человеколюбия, сообщает "Интерфакс". "Мы очень озлоблены сейчас, у нас очень много проблемных вопросов, а надо просто научиться слушать и быть услышанным, надо уметь сопереживать, сочувствовать", - заявил министр на заседании Общественного совета при МВД.

Нам нужно, может быть, даже какую-то такую дисциплину ввести или курс - "Человеколюбие", - заявил министр в ответ на предложение привлечь религиозные конфессии к воспитанию и обучению будущих полицейских.

- Видишь, как только используются столь сильные инструменты воздействия, это сразу раскрывает все причинно-следственные связи, что в управлении таким государством недопустимо, - неприязненно заметил старик. - Помнится, она долго кудахтала по поводу мысли, которая ей очень нравилась одно время, смеющая стереотип «Цель оправдывает средства», которую приписывали Наполеону. Она заметила, что Наполеон «очень плохо кончил», добавив, что «Используемые для достижения цели средства - лучше всего выявляет истинную, а не декларируемую цель». Неплохо, правда?

- А почему они ее не прикончили? – с недоумением сказал Антон Борисович. – И, главное, меня еще накануне предупредили, что собираются совместно со спецслужбами и прокуратурой «устроить новый 37-й год», сказали, что скоро мой Фонд помохи органам правопорядка «Взаимодействие» - «получит второе дыхание», Сказали, чтобы я приготовился к открытию отделений фонда по всей стране. Хорошо, что проявил осторожность, не стал деньги вкладывать в эту пшиковую идею.

- Министр, взял на вооружение жесткие и крайние способы расправы с инакомыслием, полностью разоблачил истинные цели, - с грустью констатировал старик. - Слово-то какое «взять на вооружение», учитывая, с кем он начал войну с общей точки зрения – с женщиной, не представлявшей никакой общественной опасности, уговаривавшей не устраивать общественных беспорядков. Дальше... произошло вполне ожидаемое. Он начал нести вслух несусветное, делая глупости на каждом шагу. Она же не зря предупреждала, что русский язык служит только ей, а все, кто пытается сделать что-то словом, должны учесть ее мнение.

- Вы думаете, это связано как-то с этой... Каллиопой?

Ну, это как бы после поражения начинать праздновать победу. Непременно сядешь в калошу. Там сам суд начался с того, что недалеко от города взорвался склад снарядов. Наш генерал приехал в ее город не только, чтобы получить приговор, но и привез награды участвовавшим в тушении пожара, хотя их всех гнать надо было к чертовой матери из-за несоблюдения техники безопасности. В перерыве между судебными заседаниями произошло еще одно знаковое событие. Чтобы показать, насколько важен этот процесс, местные деятели натравили банду уголовников, чтобы те напали на отдыхающих на берегу реки с националистическими лозунгами. Задумка-то была отличная! Мол, обострение национальных отношений вынудило провести такой процесс против известной экстремистки. Не учли лишь одного – с кем имеют дело. А на деле получилось иначе. Жена самого крупного олигарха в регионе поехала туда же как раз в тот вечер со своим молодым любовником. Просекаешь? Ну и получила бейсбольной битой по голове. Прибывшая по ее вызову бригада охранников мужа не только отловила и разоблачила «националистов», оказавшихся местной шпаной, но и отметелила тех правоохранителей, которых хулиганы выдали с потрохами. Потом весь город гудел не столько о том, как эти деятели нанимают уголовников изображать кавказцев и орать «Россия будет нашей!», сколько о разнице в возрасте между женой олигарха и ее любовником. В результате об этом случае все предпочли молчать, как партизаны. Ты мне, Антон, можешь объяснить, с какой стати жена олигарха поперлась в палаточный лагерь комаров кормить с молодым бугаем – тренером по фитнесу?

- Это, конечно, нехарактерно, - согласился Антон Борисович с некоторым внутренним колебанием.

- А ведь Каллиопа на суде выступала вместе со своей подружкой, которая точно инициировалась как Клио, - заметил старик. - Они вместе прошли хорошую боевую школу! В сущности, им устроили бесплатный тренажер, дав потренироваться на себе. В качестве боксерской груши. Ну и как ты расцениваешь последующие угрозы генерала, что МВД проверит, кто какие романсы слушает, что по линии МВД все население будет «окультуриваться» вальсами?
- Да как-то неожиданно получилось, конечно, - уклончиво ответил Антон Борисович.
- А кто ожидал, что он позы лотоса начнет принимать публично? – зло рявкнул Лев Иванович. – Этого даже журналисты не ожидали! Все присутствовавшие тогда обалдели! Нет, это ее, только ее извращенное представление о чувстве юмора и о невменяемости. Ее же все пытались в психушку задвинуть, три судебных заседания провели.
- Но... извините, Лев Иванович, – осторожно уточнил Антон Борисович, – мне кажется, что он действительно не совсем... того.
- Был бы он вменяемый, так сделал бы заявление прессе, что УПК надо отменить, потому что он «мешает в работе»? – огорченно махнул рукой старик. – Эта его тирада явно прозвучала после того, как он ознакомился с ее делом, где все было шито с грубейшими нарушениями Уголовно-процессуального Кодекса. Ну, не соблюдают они УПК, так кто его за язык тянул? В судах-то все ходатайства о нарушении УПК все равно отклоняли и делов куча! Чего ему вдруг УПК потребовалось отменять? До ее «экстремизма» он, в целом, не был таким идиотом... Он с катушек съехал после того, как сунулся к ней. Поэтому приготовься, что каждое твое слово – тоже будет ею использовано против тебя. Но тебе и говорить ничего не придется, там все за тебя скажет, он у вас самое слабое звено.
- Какое ей дело до меня? – взмолился Антон Борисович, которого намного больше беспокоили все эти истории про гарпий.
- Антон, ты уже идешь по пути, где непременно столкнешься с ней, сам того не понимая. Хотя бы тем, что используешь Интернет в своей работе, – раздраженно ответил старик. – Разве твой балетный форум при сайте театра, – это не такой же «общественный совет при МВД»? Разве ты так же не пытаешься заткнуть рот этому Коле, как генерал безуспешно пытался заткнуть рот Каллиопе? А она уже вышла на искусства, патронируемые младшими музами, в деле о пианисте, обвиненном в педофилии. Мы, между прочим, с людьми действовали тоныше, мы их не уничтожали, а использовали их критику. Не просто обирали на идеи, а давали возможность самореализации, не доводя до взрыва потенциала. Вот посмотри, как она отсекает генерала после его спички про «человеколюбие». Это опытная паучиха! Он после этой порции яда оказался полностью парализованным в деле пианиста-педофила. И висел, как дурак, на ниточке «человеколюбия». На вот, почитай!

А действительно, кто из нас может сравниться в "человеколюбии" с каннибалом? Да наше жалкое "человеколюбие" никак не может зайти столь далеко, чтоб под протокольчик, размеренно и непринужденно годами измываться над людьми. А на все вопросы беззлобно хохотнуть: "Ну, что ж? Несколько озверели... у нас проблем много!"

Прочла выступление министра... задумалась даже. На счет того - это вопиющая наглость или полный идиотизм? А у кого сегодня нет "проблемных вопросов", в том числе и созданными опустившимися и распоясавшимися правоохранительными органами?..

И что мы слышим в ответ от министра, еще недавно угрожавшего у всех поковыряться в голове и заставить насильно слушать с ним вальсы-романсы? А может, ему надо было бы сперва научиться вести себя в обществе? Ведь каков начальник - такие и подчиненные!

Да, надо вводить глоссарий. "Человеколюбие" - это все же нечто гастрономическое... или патологическое, что-то вроде "человекофилии". А там ведь и до педофилии - рукой подать. Не все любят больших человечков, некоторые предпочитают иметь дело как раз с маленькими. Согласитесь, все эти сложности вряд ли подходят в отношении наших правоохранительных органов. Тут надо вводить курс психотерапии по "очеловечиванию" -

с принудительным коллективным прослушиванием вальсов и романсов, отобранных лично господином министром. Кто первый моргнет - тот не пройдет аттестацию.

Сам ведь господин министр уже забыл, как совсем недавно предлагал вообще отменить УПК РФ, раз все его подчиненные не способны выполнить его требования. Так почему за бюджетный счет мы должны заниматься духовным развитием этих забывших о законе субъектов? Или у нас своих проблем нет?

Нет, это просто расчудесно! Когда мне, написавшей письмо президенту страны по поводу инцидента в детском лагере - пришлось пройти через все круги ада. А вот когда эти... гм... "малость оплошили" - им, оказывается, надо устроить детский садик, чтоб их еще воспиталка за скакалочку водила и просила никому не засовывать бутылки из-под шампанского. Они - просто "озлобились". А с какой стати? И какое право они имели "озлобиться", распоясываться до невероятной степени - против всех, кто их кормит?..

Мне кажется, самому господину министру действительно очень нужен урок человеколюбия, только немного не такой, как он ожидает. Нет, ему не стоит никуда засовывать бутылку из-под шампанского и прочего из арсенала того, что уже стало у них в ведомстве обыденностью. Но нечего и сопельки ему утиратъ и возиться с теми, кто рвется не защищать наши права, а на всю катушку пользоваться нашей беззащитностью. Мы должны всем им - "отказать от общества". Мы должны показать этим людям, как низко они упали в глазах всего общества.

- Неужели ее никак нельзя... того? – робко спросил Антон Борисович.
- Ну, и как ты ее после этого – «того»? – ответил стариик. – Неизвестно, в каком виде она страшнее, она сама это говорила. Тут ничего не поделаешь, Антон! С ней поступили не так уж жестко, не получилось. Но в отношении других, которые намного ее хуже, рука так и тянется применить куда более жесткие меры воздействия. И бутылка из-под шампанского здесь цветочки. Стоит заставить систему выполнить несвойственное ей репрессивное воздействие, заставить работать в обстоятельствах, не соответствующих ее назначению – система начнет сыпаться. А ведь есть и другие вещи, которые даже учесть никак нельзя.
- К-какие? – с нескрываемым страхом спросил Антон Борисович.
- Да какие... будто сам не знаешь, – буркнул стариик. – Я же понял, что вначале все прикидывали, как бы ее под КамАЗ спихнуть. Приспособились идти простым путем. А она что? Она вообще перестала бывать там, где КамАЗы ездят. Но мысль материальна, да? И супруга генерала сбивает человека, совершенно постороннего. Просто потому, что жене очень хотелось сбить даму, доставлявшую много неприятностей ее мужу. А генералу пришлось документики ее дела тырить, возникло много более существенных проблем, сразу стало не до борьбы с экстремизмом. Об это узнал депутат, решивший на этом обстоятельстве подпиариться... А вся цепочка вытекает из горячего желания кого-нибудь сбить машиной! И все, что направлено на эту нашу Каллиопу, так обычно и сводится к исполнению желаний, но настолько буквально, что потом жить не хочется. Не переживай, Борис, если она твоими проблемами заинтересуется, у тебя тоже все желания исполняются! Аналогично.
- Но я не хочу никого сбивать машиной, – заныл Антон Борисович. – Я хочу жить нормально!
- Осторожнее со словами, Антон! – оборвал его Лев Иванович. – Ты считаешь для себя «нормальным» одно, но ведь не все могут с тобой согласиться. Вот жена министра страстно хотела сбить одну бабу на машине, но сбила совсем другую, потому что той бабе очень захотелось жить. А министр был вынужден, в нарушение УПК, красть уголовное дело своей жены. И все желания исполнились, потому что депутату страстно хотелось кого-нибудь разоблачить... Все это бессмысленно, Антон. Ты ведь хотел властвовать, верно? А она – «шествующая за царями», то есть за властью во всех ее проявлениях. Ты все пытаешься уйти от этого, а куда? Вот как твоя дочь, чтобы не сделала в балете, будет иметь мерило в виде Терпсихоры, Мельпомены, которые все равно втащат юную Талию. Что бы вы там не предприняли с твоим зятем, они вытащат Талию! Так и здесь! Как бы мы не выразили мысль, хоть жестами или мимикой, ее мерилом будет сказанное Каллиопой. Причем, обозленной,

получившей прямой вызов, заплатившей за все сказанное – кровью. Ты ничего не заметил в ее комментарии по поводу выступления генерала?

- Нет, а что тут замечать? Похабство какое-то! – возмутился Антон Борисович. - Распустились уж вконец в этом Интернете! Надо бы их всех сгрести в одну кучку, да прикончить.

- Подставить хочется, Антон? Всей «кучкой»? – усмехнулся старик. - А глянь, как сам генерал подставился... Это не «похабство», это у нее – «приказ по гарнизону», как она выражается. Она писала небольшой комментарий в социальных сетях, блог ее почти не работает, но какая разница? Она могла это и просто на своем компьютере написать и никому не показывать. Генерал мне бы лично сейчас очень бы пригодился, не говоря о тебе. А после этого ее «постинга» к нему пожаловали гости... поживиться «человечинкой». Можно сказать, это ее антагонисты! Но они тоже подчиняются общим законам. Как только она указала, что генерал перешел границы человеческого, он перестал быть человеком в обычном смысле этого слова. Как бы далеко из нас кто не зашел сам знаешь куда, мы же по привычке определяем рамки человеческого не связями, деньгами или национальностью. Мы их определяем душой! А она среагировала на полное отсутствие у него души и человеческого. То есть, в других он предпочитает видеть «человеческое», но сам в отношении других человечность проявлять категорически отказывается. Как и мы с тобой, Антон, чего греха таить. Но генерал слишком близко к ней подошел, лично за ее приговором к ней в город катался. Поэтому гарпии со своим предводителем, хотят того сами или нет, являются к нему, чтобы больше он не маялся «человекофилией» публично. И что самое дикое, они при этом выполняют его желание! Какую еще «психологическую помощь» оказать человеку, запустившему механизм такого разрушения системы, что там любое задержание - равносильно кругам Ада? Его надо окончательно лишить души, чтобы она вообще его не беспокоила! Если она бы сделала наоборот, помогла бы ему осознать все уже сделанное с позиций человеколюбия, то ведь он еще пуще с катушек съехал бы! Ведь этого нормальный человек не выдержал бы.

- И... как это с ним случилось? – спросил Антон Борисович, затаив дыхание.

- А там все произошло по правилам, она же его не проклинала, не требовала немедленной расправы. Все очень аккуратно произошло, без всякого экстремизма, - со вздохом ответил старик. - Там этот депутат потребовал срочного доклада в Думе... и наш генерал получил последний шанс оставить свою душу при себе. Мне кажется, с ним это случилось после его выступления в Думе.

- Значит, у него была возможность удержаться? – с надеждой проговорил Антон Борисович.

- Он не удержится! – махнул рукой старик. - Он не сможет теперь долго продержаться. Там и секретарь его немного не в себе. Вот кто в вакууме, так это они сейчас.

- А можно... можно жить... без этого?

- Этого не утаишь, - тяжело вздохнул старик. – Без души, какой бы она не была, долго не протянешь. И все это вокруг чувствуют. Самые тупые и толстокожие. Кто бы что ни говорил, а всякой твари этот «мелкий недостаток» бросается в глаза.

- Что мне-то теперь делать? – спросил Антон Борисович, бессмысленно глядя, как на листок, который он продолжал держать в руках, скатилась слеза.

- Да что тебе посоветовать? – сказал старик, забирая у него распечатку с постом Каллиопы. - Ведь что бы я тебе не насоветовал, ты поступишь по-своему. Ты уже по уши в этом дерьме, и если есть хоть одно письменное подтверждение твоего участия, она тебя проработает, ты сам не заметишь, как выполнишь роль персонажа в ее романе.

- Но она балетом ведь не интересуется? – с тающей надеждой сказал больше самому себе Антон Борисович.

- Это сложно сказать, чем она интересуется, - развеял его надежды старик. - Она интересуется жизнью, творчеством в самых бесспорных его проявлениях. А у вас в театре - ее сестры... причем, давай-ка, посчитаем! Полигимния там с незапамятных времен, Мельпомена уже торчит занозой «Коля-Коля», Талия... эта точно проявится, если уже где не хохочет беззаботно. Если кто-то смеется рядом с такими, как вы, Антон, это точно – Талия. Только она способна смеяться рядом с такими, как вы с твоим зятем, директором и его «питерской командой».

- Думал, что моя Дашенка сможет стать Талией, - признался Антон Борисович.
- Слушай, зачем ты и твоя Дашенка вообще сюда полезли? – откровенно удивился Лев Иванович. – Это же не просто цветы, поклонники и восторг зала! Это – война, это кровавая бойня! Ты мог бы это по Каллиопе понять. Ведь задача муз в своем времени – собрать гарпий воедино и закончить «время гарпий». И куда здесь твою Дашеньку? Уверен, она и без тебя разберется, что делать.
- Не знаю я всех этих ваших дел, - с раздражением ответил Антон Борисович, судорожно пытаясь вспомнить, где могли упомянуть о нем, несмотря меры предосторожности.
- А я, кажется, вспомнил!- насмешливо сказал Лев Иванович. – В тех же социальных сетях артисты балета иногда читают отчеты о спектаклях одного сетевого критика. В комментариях я видел несколько намеков. Постой, вроде бы распечатки с собой брал... Вот, читай!

Также как и ты, и многие другие люди, я очень высоко ценю балет, но хореография не может существовать в отрыве от исполнения. Как бы ни твердили об этом балетмейстеры, пусть даже самые гениальные. Попадает их творение в бездарные руки, и смотреть на это становится невозможно. Я честно тебе скажу, я промучился все три акта и досидел это безобразие до конца исключительно в силу рабочей необходимости. Не будь я обязан, ноги бы моей там не было после первых же десяти минут. Любой спектакль держится на солистах и вымуштрованном кордебалете, и если у нас из солистов, извините, выходят какие-то полудурочные.... тут от великого до смешного получается ровно один шаг. Ты прав, что если хотя бы навозные собачки были, полноценный цирк был бы обеспечен. А тут ни балета, ни цирка, ни театра. Надоело в тысячный раз повторять одно и то же. Но такого запредельно похабного исполнительского уровня на этой сцене никогда прежде не было.

- И что такого? – зло спросил Антон Борисович. – Кому-то нравится а кому-то нет.
- Антон, та забываешь, что это не импрессионизм напополам с авангардизмом, это классическое искусство, оно – как шахматы. Либо проиграл, либо выиграл, но можно свести к ничьей. Но тебе уже поздно думать о ничьей, тебе надо все поставить на победу. Читай, тут ты многое сможешь понять.

Скажу о юбилее нашего выдающегося хореографа. Предупреждаю сразу, что сказанное ни в коей мере не умаляет заслуг юбиляра и его вклада в мировое искусство, но, к огромному сожалению, его праведным трудом заработанное имя используется нынешним руководством для обделивания всех своих самых паскудных дел совершенно бессовестным образом. Нельзя ожидать от человека в столь почтенном возрасте, что у него хватит сил, возможностей и желания держать руку на пульсе всех театральных хитросплетений в той же самой степени, в которой он это делал тридцать лет назад, поэтому совершенно нормально, что часть работы передается в другие руки. Но ровно в этот самый момент под флагом “так хочет, так сказал, так подумал или потребовал наш великий хореограф” делается все, что можно и невозможно. Докатились до того, что от его лица пресс-дама преподносит требование уволить звезду мирового балета с должности педагога, чтобы взять на это место некую неугомонную гражданку без опыта и образования. В условиях, когда у театра имеется попечительский совет из немереною числа толстосумов, концертный зал почти ежедневно сдается под корпоративы, а из государственной казны выделяется очередной миллиардный грант, вести речь о ставке педагога, получающего месячный оклад, сопоставимый со стоимостью одного (!) билета в партер, просто смешно и безнравственно.

- Младшие музы сюда точно притащат Каллиопу, они сумеют, - прикидывал вслух Лев Иванович, пока Антон Борисович просматривал распечатки с форума. - Изгнанную вами Терпсихору Каллиопа с пол оборота заведет, та с ходу всех крошить ринется! Эрато она

Наверно, отправит под колеса КамАЗа.

- К сожалению, она куда более тщательнее прорабатывает образы, такой лажи не допускает, - без всякого сочувствия заметил Лев Иванович. - Я бы предпочел, чтобы ты тихо сгинул в психушке, свихнувшись на почве шахматных эндшпилей и ладейных окончаний. На худой конец – под КамАЗом. Но ты будешь делать то, что считаешь нужным и что не делать не можешь. Все, как она напишет. Если о тебе уже где-то все же написали, то ты уже не только у нее на крючке, но и ко мне ее за собой притащил! Так не все ли равно, что я скажу по такому поводу?

Ты говоришь, что нет сегодня в театре таких педагогов, как прежде. Это суцая правда. Кроме «балеруна Коли», никого больше нет. Но проблема не в том, что они сами были средними исполнителями, а в том, что окончательно схалтурились. Чтобы добиться от ученика красоты и стильности исполнения (про беспрекословное следование тексту я даже не говорю, так это должно быть основой основ), чтобы сделать роль, нужно иметь профессиональную совесть, которая не позволяет тебе выпускать на сцену барахло. А для того, чтобы оно таковым не являлось, нужно, в первую очередь, иметь педагогический талант и готовность не жалеть на свою работу ни сил, ни времени. Премьер, мировая знаменитость, танцовщик и педагог от бога - так всем так мешает! Ведь на его фоне так заметно, чем заняты другие. Он штырит своих учеников и в рабочее время, и в выходные, и в праздники. В какой понедельник ни зайдешь, он с учениками в зале. Поэтому и результат такой, какой ни один другой педагог предъявить не может. Ты можешь мне назвать хотя бы один ввод, подготовленный другим педагогом за последние несколько лет, который можно было бы назвать хотя бы достойным? Я таких вводов не видел. Как за три репетиции он собрал кордебалет в «Шопениане», тоже помнит любой, кто видел этот спектакль. Не уверен, был ли ты тогда, но поверь, что никакого сравнения с тем, как те же самые артистки выглядели недавно после репетиций с нашим истеричным и развинченным худруком.

заставит... так заставит, что та будет воображать, как всех вокруг пальца обвела. А из-за этой «борьбы с экстремизмом», как она это называет, Клио, Урания и Евтерпа уже при ней. Нда, какие темные люди решили заняться «магией слова»... Диву даешься!

- Зачем они вообще полезли к ней? – недоумевал Антон Борисович.

- И не говори, - согласился с ним старик.

- Объявить войну Каллиопе! Потом, наверно, очень удивлялись, что к ним пришли кое-что потребовать, согласно выполненному договору. Она всех выстроит, Антон, а ты будешь персонажем ее романа, проходным. Там выяснится, что вся твоя жизнь прошла ради какого-то не совсем приличного эпизода. Надеюсь, что ей просто захочется, чтобы ты бегал вокруг театра без штанов и кричал: «Да здравствует классическое искусство!»

- Вряд ли она такое со мной сделает, - нахохлился Антон Борисович. –

- Вы мне ничего не посоветуете? Не подскажете? – тихо спросил Антон Борисович, не поднимая глаза на старика.
- Нет никакой разницы, что я скажу, это точно, Антон, – пошутил старик. – Потому что, какие бы ты не имел планы на будущее, ты не имел права допускать, чтобы о тебе и твоем зяте писали такое. Но у тебя ведь главная советчица давно на плечах сидит! Ей точно наплевать на мои советы.
- Так что же мне делать? Может, тоже в экстремисты записаться? – ответил Антон Борисович, вытирая слезы. Сердце его разрывалось от жалости к себе, Дащеньке, внукам...
- Читай дальше! – приказал ему Лев Иванович. – И прикидывай, сколько у тебя шансов остаться незамеченным в таком раскладе.

Гораздо проще избавиться от человека, который выдвигает жёсткие профессиональные требования, чтобы другим зажилось легко и фривольно. Все хором гонят халтуру, и никто никому занозой в глазу не торчит.

Новенький премьерчик-лауреат всю коду пешкомостоял, и хоть бы какой-нибудь ассистент балетмейстера или, на худой конец, худрук подошел к нему и задался вопросом, а не опутил ли парень часом? Нет! Это никого, мягко говоря, не волнует. Перечислил процент от гонорара в Фонд помощи органам правопорядка «Взаимодействие», руководимого тестем худрука Борисычем – и танцуй что хочешь, и как хочешь.

- Но такое сейчас везде! – попытался оправдаться Антон Борисович. – Сейчас все так живут! Такое творится в медицине, в образовании... в промышленности уже ничего не творится, ее, можно сказать, больше нет. Какое кому дело до балета? Это сейчас обычное дело!
- Я знаю одного человека, который может сделать это не только «необычным», но и порицаемым, – строго ответил Лев Иванович. – Читай дальше, Антон!

Щелкунчик можно спокойно снимать с репертуара, потому что на том уровне, на котором его исполнял на протяжении шестнадцати лет наш прославленный премьер, живое воплощение Мельпомены, этого больше никто делать не может. И за что бомонд будет выкладывать по пятьсот евро за билет на следующий Новый год, я, честно тебе скажу, не знаю!

Для того, чтобы было страшно за искусство, – должна быть совесть. А насколько можно судить, у этих людей ее нет. Я до сих пор не могу понять, как художественный руководитель балета государственного театра может открыто работать исключительно на частное гастрольное агентство своего тестя, которое за деньги занимается организацией выступлений артистов вверенной ему труппы. По-моему это прямое использование служебного положения в целях получения личной выгоды. Разве нет? Раньше существовал закон, карающий такие вещи. А сейчас что, его отменили?

- Да, из-за нашего разговора я как-то иначе на все смотрю, – задумчиво потер переносицу Лев Иванович. – Мне кажется, что Аэлоппа как-то... дискредитирует тебя, а вовсе не защищает. Ты же шахматист! Раньше, когда вы с ней до такой степени не слились, ты подобных ошибок не допускал. Она дурно не только на тебя влияет, но и на окружающих. Разве я мог предположить, что ты все дела «крысятам спустишь»? Так мне и в голову не могло прийти, будто все разговарят о театральных делах на всех форумах! Раньше-то они помалкивали! Они там раньше таких длинных «повестей Белкина» не строчили, вообще говорить боялись. А тут даже стиль не юзают, пишут не анонимно. Ты вот это почитай!

Доброго вечера беспокойные сердца. Хотел я многим из вас ответить под каждым постом, но решил написать здесь и все сразу. Сначала о "Баядерке", намечается там три дебюта от папы Борисыча. Господа, все знают, что его зять, наш новый худрук, – дурак

конченый. Сам он создать никаких агентств не мог даже теоретически, так что это не он его создал для папы Борисыча, а все как раз наоборот, названный папа восходящей звезды давно крутится в бизнесе МВД по созданию различных ООО. И чтобы в этом убедиться достаточно погуглить на ФИО Дашиного папы и прочитать много чего интересного о нем. А вам хочу поведать, во что этот творческий симбиоз вытекает. Была очень интересная поездочка всего женского кордебалета в Монте-Карло. Захотелось, видно, папиному зятю в Монте-Карло проветрится, так какие проблемы? Поехал с ним весь кордебалет - от белых лебедей до черных, к ним под маркой театра добавили жену худрука и еще одну старперку из той забегаловки, где раньше наши худрук аналогичным худруком подвязался. А сама эта поездочка была организована, когда у всей труппы было три дня выходных. Девоньки-то наши наивные и на выходных должны оказались за свой счет ехать, при копеечных суточных, так как такую малость они даже от официальных поездок никогда не получали, спасибо партии родной и лично папе Борисычу. Перья-то наша корда распустила, все до единой размечтались своего принца Альберта там встретить... Но не тут-то было. Поимел их там худрук по полной программе, организовав по доброте душевной с раннего утра до позднего вечера репетиции совместно с местной труппой. Сил и времени у них на принца не хватило, и поехали они назад без принца, денег, экскурсий, таща на себе костюмы, а на следующий день, половина не вышла на работу из-за состояния нестояния. Так вот вопросик у меня возник. В Монте-Карло считалось, что приехала труппа театра, даже гонорар этому гов... худруку выдали. А вся труппа была выходной! А за выходные никому ни одного евро не положено по нашему строгому трудовому законодательству. Догадываетесь, какая организация придумала эти гастроли и получила за них деньги?

- А это не сам наш балерун? – с сомнением спросил Антон Борисович.

- Нет, это не он, - отрицательно покачал головой Лев Иванович. – Но то, что он это читает – несомненно. А потом они найдут возможность - заставить прочесть это Каллиопу... думаю, ты скоро в этом убедишься. За форумом этим потом следи, они там будут через него перемигиваться. Слушай, Антон, я понимаю про Монте-Карло, но тут еще и Япония... вы совсем берега потеряли?

Грядет поездка в Японию, худрук обещал немногочисленным артистам, желающим получить порцию радиации и согласившимся на эту поездку, определенную сумму суточных, так как питание было не предусмотрено. Но когда паспорта были сданы, суточные от обещанного сократились вдвое, артисты возмущались, так как налицо - чистой воды обман. Наши мудрый руководитель заявил, что недовольные могут не ехать, и он обойдется силами артистов своего прежнего театра, которых возьмет напрокат, а если не хватит, то и у других трупп позаимствует. Только японцев он забыл предупредить, а то те заплатили как за наш театр, а получат балет им. Тачкина-Перебежкина.

Тут кому-то не нравится балетная труппа Ла Скала, она и в Италии не пользуется успехом, поэтому в следующем сезоне будет зарабатывать на нашей сцене, зря что ли театр строили, не своим же артистам там выступать.

Происходит какой-то полный развал театра, уровень мастерства снижается. Худрук и его команда продвигают только приближенных исполнителей, Дарья Антоновна мужем выведена из корды и туда ее педагоги загнать уже не могут, говорит, что она – «корифейка». Повсюду суют старых толстых подруг и однокурсниц, не имеющих ни школы, ни стиля, отодвигая даже лауреаток международных конкурсов. Дарья сама участвует в формировании составов на спектакли, поэтому все, что вы видите - это и ее рук дело.

В театре теперь можно человека не имеющего высшего образования, обучающуюся только на первом курсе института, не имеющую никаких выдающихся способностей -

назначить зам.зав.труппой и наделить властью, соответствующей не ее скромной должности, а лишь понятию «царица небесная».

Сам директор практически не посещает спектакли, смотрит их по телевизору в кабинете и только в конце прибегает для обозначения присутствия. Основная часть его времени занимает работа - устройство приближенных артистов по различным халтурам. Всем известно, через какую организацию все это проходит. Люди пришедшие смешали частный бизнес с государственной работой, теперь их задача выдавать «балеруна Колю» из театра, чтобы никто не мешал заниматься бизнесом.

- Что тебе сказать, Антон? Вот ты уже на сумеречной стороне! – сказал Лев Иванович, поднимаясь со скамьи и всем видом показывая, что разговор их подошел к концу. – А ты помнишь нашу первую встречу? Я тебе тогда сказал одну мысль, но ты ведь ее и сейчас до конца не осознал. То, что происходит в реальности – лишь слабое отражение того, что происходит на сумеречной стороне. Можно выдавать из театра «балеруна Колю», но чем придется за это заплатить... большой вопрос. Ты уверен, что цена вопроса тебя лично устроит?..